

ОЛЬГА ТАРАСЕВИЧ

Тайна перстня Венеры

ЭКСМО

Ольга Тарасевич
Тайна перстня Венеры
Серия «Артефакт-детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183330
Тайна перстня Венеры: Эксмо; М.: 2009
ISBN 978-5-699-36403-9*

Аннотация

Перстень Венеры много веков назад озарил своим блеском роковую любовь гетеры и раба-гладиатора. Сегодня артефакт страсти, найденный одним из туристов в пещерных развалах, снова манит в золотую паутину своей красоты, толкает на безумства и преступления... Судмедэксперт Наталия Писаренко, проводившая отпуск в Кушадасах, с изумлением понимает: никому из гостей отеля берег турецкий и даром не нужен. События, происходящие здесь, исключают любые мысли об отдыхе. Когда Наталия вместо романтического свидания со своим немецким другом находит его остывающее тело, становится окончательно понятно: убийца пойдет ради перстня Венеры на все...

Содержание

Часть I	4
Эфес, I век н. э.	8
Кушадасы, май 2009 года	14
Эфес, I век н. э.	19
Кушадасы, май 2009 года	24
Эфес, I век н. э.	28
Кушадасы, май 2009 года	33
Эфес, I век н. э.	37
Кушадасы, май 2009 года	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ольга Тарасевич

Тайна перстня Венеры

Часть I

Москва, апрель 2009 года

Я не понимаю, что произошло. А вы понимаете?

Ерунда какая-то, правда?

Куда ни сунься – в телевизор, Интернет или просто в битком набитый людьми вагон Московского метро, – все одно: кризис, кризис, кризис...

Привычный мир рассыпался, разбился вдребезги, горсть осколков бывлой роскоши равнодушно ранит ладонь. И можно, наверное, собрать колкий пазл, старательно пытаюсь сохранить хотя бы внешние атрибуты прежней жизни. Но это будут только атрибуты, лишь видимость. А прежней жизни уже не получится.

Ой, вот только не надо говорить мне о том, что все давно к этому шло, и американский доллар – зеленые фантики, не обеспеченные золотовалютными резервами, и экономики всех стран интегрированы настолько сильно, что биржевой смерч на другом континенте уже через секунду лихорадит Россию. Я тоже умею перебирать длинные струны предложений, извлекая мелодии, уместные в той или иной ситуации. Честное слово, более чем прекрасно делаю это. В конце концов, не так давно за подобное жонглирование фразами мне платили хорошие деньги.

Впрочем, это все – лишь слова. Слова – не обязательно правда. А в случае с кризисом они вообще не являются ни правдой, ни объяснениями, ни оправданиями.

Правда в том, что люди много работали. Жертвовали нормальными семейными отношениями, отдыхом, увлечениями. Они скупно цедили жизненную сущность, ограничивая краски, эмоции, запахи. Они понижали градус собственного счастья до минимальной отметки, достаточной лишь для того, чтобы в полном соответствии с дресс-кодом деловито сновать по комфортным ячейкам офисных клеток. Хотя никто ведь и не собирался всегда довольствоваться этой хилой, как серый поток в талии песочных часов, струйкой жизни. Предполагалось дошагать до желанной ступеньки карьерной лестницы, дотянуться до возжеленного кресла, забросить ноги в правильных итальянских туфлях за пять штук гринов на стоящий в правильном кабинете правильный стол, и вот тогда... Тогда будет все. Любовь, красиво и чувственно, как у Тинто Брасса. Капитал – Михаил Прохоров нервно курит в сторонке. Приключений – больше, чем у покорившего все моря-океаны Федора Конюхова. Но у большинства людей этого «тогда» уже никогда не случится. Потому что случился кризис. И я, к сожалению, не исключение.

Все происходящее кажется кошмарным сном. Невозможно поверить, что последние события коснулись меня. Это меня-то! Мне всегда представлялось: лузерство – удел слабых, со мной ничего подобного не может произойти в принципе. Но тем не менее сначала урезается соцпакет, потом зарплата, затем предлагается работа, на порядок ниже оплачиваемая. И в этой ситуации увольнение становится меньшим унижением, чем получение суммы, которой хватает на три ужина в приличном ресторане...

Оказывается, топ-менеджер – такая смешная ненадежная профессия. Несколько лет назад мне казалось: кто, если не они, занимается интересным делом и хорошо живет. О, ради таких перспектив стоит потерпеть. И пожертвовать курортом, но получить очередной сертификат МВА и променять опять не сделанного младенца на новую должность.

Ну и вот теперь, значит, приплыли. Работы нормальной нет, детей нет. Перспектив тоже нет никаких. Наш сегмент на рынке услуг будет лежать еще лет пять минимум...

Меня наполняет изумленная звенящая боль. Тону в океане свободного времени, захлебываюсь ничегонеделанием. Ломает, как наркомана. Вспоминаю свой кайф, свою дозу: прорваться через автомобильные пробки на совещание; придумать план, низвергающий конкурентов; с деланным равнодушием пожимать плечами, слушая восторги изумленного руководства. Вечно пьяная в последнее время голова постоянно перемешивает винегрет из слов и фраз, политых, как майонезом, горьким отчаянием. Но что теперь фонтанировать идеями, пережевывать то, что было сказано, что, возможно, следовало бы сказать? Поезд ушел, квадратик последнего вагона скрылся с глаз, и надо пытаться со всем этим как-то жить... Однако как пытаться?! Слишком страшно, мучительно холодно, не хочу, не могу. Лучшее средство от страха и для тепла – дешевый виски.

Когда вдруг неожиданно трезвею между двумя бутылками – понимаю, что жизнь прошла, ничего в ней не было, все усилия насмарку. Судорожно пытаюсь прогнать грустные мысли, но получается плохо. Только кошмарные сны иногда дарят легкое забытие. Вот в моих снах кризиса нет. Но, может, лучше бы он там был...

Мне все время снится Дима – последний, несостоявшийся, непопробованный. Вообще любой Дима – для меня, как правило, ловушка, западня. Не знаю, в связи с чем, у меня нет логичного объяснения, только роковой опыт. Если у парня такое имя – мое дело плохо. Почему-то именно к этому имени прилагаются обжигающие глаза, искушение губ, устоять перед которым невозможно, и такие красивые изящные руки, что мгновенно хочется ощутить их неспешное скольжение по своему телу.

У него имелся полный комплект: имя, интеллект, внешность. Диму называли Аленом Делоном нашего холдинга. Действительно, походил: темными волосами, раздваивающим невинно-порочным взглядом, уверенными манерами избалованного вниманием красавчика. И он сразу же стал плести для меня паутину из сетей своего обаяния. Но – не срослось, хотя мне лично отчасти даже хотелось. Однако... Дима был ниже ста семидесяти сантиметров ростом, примерно сто шестьдесят семь – сто шестьдесят восемь. Ничего не могу с собой поделать, размер для меня имеет значение. Не по той позиции, которую мальчики всегда измеряют линейкой. Смотрю именно на рост, прежде всего – на рост. В моих глазах привлекательный мужчина начинается от ста семидесяти пяти сантиметров. Все, что ниже, меня интересует в вертикальной, а не горизонтальной плоскости: дружба, сотрудничество, вражда, взаимная ненависть – но только не постель. Хотя к Диме, несмотря на все эти заморочки, меня тянуло со страшной силой. Мы даже нечаянно, но страстно поцеловались. Не сговариваясь, задержались после совещания. Сначала встретились наши пальцы, синхронно протянувшиеся, чтобы повернуть защелку в двери конференц-зала. От Диминого легкого прикосновения по телу сразу же побежал электрический разряд. Потом обожгло дыхание: «Приходи ко мне в гости. Буду любить тебя нежно. Или грубо. Скажи мне, как тебе нравится?.. И я дам тебе это...» Очень хотелось сгореть с ним, расплавляясь в бесстыдном, без запретов и предрассудков, сексе. Дима мог бы мне его подарить, он был моей крови, безбашенный, авантюрный, стремящийся к новым ощущениям. Только эти мои заморочки по поводу роста – как срабатывающие независимо от волеизъявления тормоза. Ну почему, почему он такой невысокий?!

Теперь я вижу это в снах – Диму, конференц-зал. Наш Ален Делон был модником, эстетом: голубая рубашка, алый галстук, прекрасно скроенный темный костюм. Любуюсь красивым мужчиной, но... Холодно. Так холодно! Как будто бы в овальной комнате работают сто кондиционеров на предельной мощности. Однако уже через секунду я вспоминаю: кондиционеры ведь совершенно ни при чем. Просто Дима умер. Умер. Наверное, там, где он сейчас, холодно. И рядом с ним теперь все время ледяная стылость. Он даже в сны ее приносит!

Дима набрал кучу кредитов: на квартиру, машину, а недавно он затеял строительство загородного дома. С размахом, по высшему разряду: топ-менеджер должен жить достойно. Наши ежедневники предусматривали все: планы развития компании, личные цели. Только кризис в них не значился, и долговая западня, соответственно, тоже. В офисе никто не верил, что тот юнец из ресторана, с которым Дима сам затеял драку, оказался настолько сильным, чтобы действительно выбросить его из окна. Непосредственных свидетелей трагически закончившегося мордобоя не было. Но все мы знаем: Дима никогда не пропускал тренировки в фитнес-центре. С невысокими людьми так бывает: не имея идеального тела от природы, они доводят до совершенства то, что есть, и, как правило, добиваются ошеломляющего успеха. Пресс кубиками, проработанная грудь, мускулистая спина – парень сделал себе отличную фигуру. Да, невысоким, но сильным – вот каким он был. И еще, наверное, очень заботливым – на сознательную, хладнокровную маскировку самоубийства под несчастный случай ради спокойствия родных мало кто способен. Или его смерть – действительно роковое стечение обстоятельств? Вообще-то он не хотел доживать до старости. Говорил, что его пугают морщины, уродующие кожу, проблемы с волосами или зубами. Эстет – про хвори и болячки, вечные спутники преклонных лет, – даже не заикался, а вот мысли об увядании красоты его пугали. Впрочем, мы все такие – то есть были такими, высокогламурными, стильными, притягивающими взгляды всех без исключения. Фитнес-центры, массажистки, косметологи, лучшие парикмахеры – по-другому нельзя, моветон, в этой среде надо быть и дельным человеком, и думать о красе ногтей. К элитному уходу за собой быстро привыкаешь. Как мне теперь обходиться без стрижки в «Topi&Guy»?! Как – без маникюра, педикюра и увлажняющих масок? Впрочем, речь о Диме. Итак, не знаю точно, самоубийство или несчастный случай. Но он ушел и почему-то полюбил заходить именно в мои сны.

Я вижу его красивое лицо. Он затягивается вишневой сигариллой, потом делает глоток коньяка. Желанные губы – сладкие – это уже известно. И сексуальный аромат «Dakkar Noir» от «Guy Laroche». Я все это уже знаю, помню, мне хочется других Диминых запахов, других вкусов, узнать бы его целиком и полностью, но...

Он опять – shit!¹ – отстраняет мои руки и говорит:

– Забей на все и на всех. Нарушай все правила, какие только можно нарушить. Настоящая жизнь – то, что есть здесь. Там – намного хуже и скучнее, чем можно себе представить. Причем знаешь, в чем прикол? Никто никого ни за что не наказывает! Нет никаких правил!

Очень обидно, что хотя бы во сне между нами ничего не происходит.

Все-таки Дима остался для меня тайной. Не познанной по моей собственной вине. Я уже никогда не смогу разгадать эту загадку, и от этого ее привлекательность усиливается во сто крат.

Нет никаких правил.

Нет никаких правил...

Эти слова сверлят мой мозг, а потом я их заглушаю очередной порцией дешевого виски.

Интересно, как скоро закончатся отложенные деньги? Наверное, этот день не за горами – у меня просто не было необходимости заниматься экономией. Я не знаю цен. До недавних пор на вопрос, сколько именно в портмоне наличных, мне было бы сложно ответить вразумительно.

Все заканчивается. И денежная заначка тоже растает...

¹ Дерьмо (англ.).

И что потом – переходить с качественных напитков на паленую водку? Сбирать бутылки? Трудоустроиться по специальности с привычно высоким окладом шансов в ближайшее время нет. Довольствоваться, как и все, зарплатой в тысячу – максимум полторы – долларов? Но ведь я же обладаю большим опытом, редкими ценными знаниями! И гордость не позволит мне понижать планку, даже ежемесячная трешка штук для меня – ерунда. Привычки и пристрастия требуют значительно большего...

Ну и перспективы! За что, за что жизнь так обошлась со мной? За изматывающую честную работу? За отшлифованный, доведенный до совершенства интеллект?

Нет никаких правил...

Сначала мне просто нравится такое утверждение. Затем я с ним соглашаюсь. И вот оно уже становится моей сутью.

Все правильно: к черту все правила, нормы и рамки!

Есть только собственное удовольствие и собственные интересы.

А правил нет вообще никаких...

Эфес, I век н. э.

В сумрачном покое лупанария² царил промозглый холод. Огонек, едва дышащий через прорези закопченного керамического светильника, очерчивал на белой каменной стене желтоватое пятнышко. Однако оно то и дело исчезало: через окно комнату хлестали, как розги, жесткие порывы ветра.

Теренция с тоской посмотрела на этот узкий, довольно длинный прямоугольник, завешенный разве что свинцово-серым небом. А потом, сдернув с ложа грубое шерстяное одеяло, вскарабкалась в оконный проем.

Даже через подошву сандалий выставшие камни обожгли ступни холодом. Ледяной ветер быстро разобрался со складками ярко-голубой туники³ и темно-синей палы⁴, исступленно зацарапал нежное тело.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно пробормотала девушка, прикрепив одеяло к широкому выступу над окном. – Конечно, вид на библиотеку Цельсия отсюда вовсе неплох. Но зимой я с радостью откажусь от него. А что до одеяла – мужчин все равно нет, некому жаловаться на неприкрытое ложе. О, боги, боги! Когда же закончится эта зима!

Присев на низкую широкую скамью, где приходившие гости оставляли плащи с широкими остроугольными капюшонами, надежно скрывающими лицо того, кто спешит за утешением к гетере, Теренция нахмурилась.

Дыхание. Из рта вырываются белесоватые клубы пара. Даже смотреть зябко. Ужасно... И ведь сделать ничего нельзя с этим невыносимым холодом!⁵ Этажом ниже располагается атрий⁶, с горящим огнем, хрустальным колким фонтаном, ложами⁷, расставленными меж колонн, расписанных любовными фресками. Впрочем, в атрии еще прохладнее, несмотря на очаг с дышащими жаром углями! Помещение вроде бы закрытое со всех сторон. Но над ним нет крыши. И сырой ветер, дующий с моря, разгоняет тепло, остервенело треплет навес из скрипящей виноградной лозы. Мульс⁸, приготовленный для гостей, остывает мгновенно. Поэтому зимой мужчины совершенно не стремятся, чтобы их развлекали разговорами, музыкой и вином. Рассчитавшись с матроной, они сразу поднимаются вверх, в комнаты девушек.

Найти лупанарий среди многочисленных прекрасно-вычурных зданий Эфеса проще простого. Дорога от порта до города вымощена белыми мраморными плитами. На одной из них – отпечаток ступни, а слева от него – изображение женщины с пышной прической⁹, да еще Приапа со своим огромным вздыбленным копьём любви. В общем и целом все совершенно понятно: если жаждешь любви, если хочешь получить красивую девушку – надо идти именно этой дорогой. Кстати, скульптура Приапа установлена и возле фонтана в атрии лупанария. Гостям принято говорить: фонтан – это неиссякаемый чудесный источник. Кто выпьет

² В Римской империи так называли публичный дом.

³ И женское, и мужское нижнее платье.

⁴ Женская накидка.

⁵ По свидетельствам современников, система отопления – гипocaust – появилась только в период поздней Империи в самых богатых домах. Короткие зимы превращались в настоящее бедствие, даже император Август носил в холода по четыре туники.

⁶ Внутренний дворик, имевшийся в большинстве жилищ. В эфесском публичном доме он использовался как зал для беседы с клиентами. Спальни находились на втором этаже.

⁷ Прием пищи в те времена осуществлялся в полулежачем положении.

⁸ Напиток из смеси вина, воды и меда, иногда подогреваемый.

⁹ В некоторых источниках утверждается, что публичные дома всегда строились слева от порта, якобы отсюда небезызвестное «пошел налево».

воды из него, тот наберется такой мужской силы, что сами боги станут завидовать. В каком-то смысле источник и правда неиссякаем. Каждый день девушки моются в больших ваннах, и так же регулярно, каждую ночь, рабы выливают воду оттуда в фонтан. Однако, может, все-таки скульптура Приапа придает обычной не очень чистой воде необычайные целебные свойства? Гости, вне зависимости от возраста, всегда приходят страстные, неутомимые, жаждущие...

Если бы только сейчас здесь появился кто угодно, хоть самый последний, не утруждающий себя посещением терм раб!¹⁰ Да что же это такое, в самом-то деле?! Вымерзли все мужчины, что ли? Как будто бы не знают, что любовные ласки – лучший способ согреться во время промозглой зимы!

Обняв себя за плечи, Теренция заходила по комнатке.

– Здешние места отвратительны, невыносимы, ужасны! – шептала она, дрожа всем телом. – Ну почему я не смогла остаться в Риме?! Почему меня продали именно в этот забытый всеми богами город, продуваемый всеми ветрами Эфес!

Внезапно девушка остановилась. И ее правильное нежное лицо озарилось радостью.

Шаги! Ну, точно, тяжелые, уверенные мужские шаги. Наконец-то!

– Теренция, милая, я безумно по тебе соскучился! Девочка моя, ты прекрасна, словно Венера. Твои губы сладкие, как нежный мед! А ты, ты думала обо мне? Зачем же на тебе так много одежды? И эта тусклая лампа, она едва светит. Неужели нельзя подлить масла, я хочу видеть тебя всю, ты такая красивая...

Теренция, притворно уклоняясь от губ Марка Луция Сципиона, наслаждалась жаром его крепкого тела.

Сенатор всегда пылает. Даже теперь, через тунику, сквозь тогу, кажется, будто находишься вблизи жаркого огня. Мужчина испепеляет своей страстью. А ведь он уже не мальчик, не юноша, ему за сорок. Можно представить, сколько удовольствия Марк Луций доставлял своим женщинам, когда только начал носить взрослую мужскую тогу! Он и сейчас очень, очень сильный! Готов предаваться любви всю ночь напролет!

«Уже не холодно, – счастливо улыбнулась девушка. – Этот любовник, как всегда, ловок. Вроде бы только один поцелуй, нежные объятия – а одежды на мне уже нет, даже сандалии развязаны и отброшены в сторону. И сам тоже обнажен. Я с ним всегда как в тумане. Не понимаю, когда он успевает меня раздеть!»

Теренция посмотрела на грудь сенатора, широкую, заросшую курчавыми темными волосками, на плоский живот, рельефные мышцы которого были красивее любых доспехов. И мечтательно закусила губу.

Как правило, мужчины, раскинувшись на ложе, требуют сесть на них сверху. Привычные монотонные движения быстро нагоняют дремоту. Но с Марком Луцием не до сна! Он все делает сам, он непредсказуем, он великолепен. Как же приятно быть легкой пушинкой в его крепких нежных руках!

– А где... – взгляд светло-голубых глаз сенатора удивленно коснулся жесткого ложа, потом метнулся к окну, – сейчас, милая, давай я застелю нам тогу. Моя девочка замерзла. Обещаю, тебе будет тепло-тепло...

Скоро Теренция едва могла дышать от наслаждения. Когда внутри, в жаркой влаге, движется огромная упругая горячая плоть, пальцы любовника пробегают по груди, дразня соски, и разошедшиеся от страсти губы вдруг накрывает требовательный поцелуй... Обычно мужские ласки оставляют равнодушной. Но только не теперь! Сейчас, как ни странно, происходит это, это, и вот до сих пор, так долго, именно это...

¹⁰ Посещение и бани, и публичного дома было доступно даже рабам.

– Я люблю тебя, – когда чуть утихла сладкая дрожь, вдруг прошептала Теренция. И испуганно открыла глаза. А если так нельзя говорить мужчинам? Марк Луций может рассердиться, любви место в супружеской спальне, не в каморке лупанария.

Правильные черты сенатора, словно высеченные умелым скульптором из камня, остались напряженно-спокойными. Только его дыхание делалось все быстрее и быстрее.

«Не расслышал», – обрадовалась девушка.

С довольной улыбкой она откинулась на спину, дотронулась до влажных твердых ягод мужчины, резко притянула их к себе. Сенатор сразу же замер, потом зарычал и, наконец, обессиленно вытянулся рядом.

«Он хорошо пахнет, – Теренция, перебирая темные волосы любовника, уставилась невидящим взглядом в потолок. – Мне нравится, когда Марк Луций меня обнимает. Наверное, это неправильно. Я не должна так радоваться ему, не должна ждать. Кто я и кто он?.. Но как можно не радоваться солнцу, теплу, свету? И потом, он так богат, никогда не жалеет денег. Все-таки щедрость любовника всегда производит впечатление. Нет ничего хуже мужчин, считающих каждый сестерций...»

– Ты очень красивая, Теренция, – Марк Луций, приподнявшись на локте, нежно обвел пальцами контур ее губ. – Ты выглядишь как патрицианка. Какой правильный овал лица, упрямый подбородок, решительный взгляд... У тебя очень красивые, рыже-огненные волосы и ярко-голубые глаза. Откуда ты родом? Может, из семьи вольноотпущенников? В тебе слишком много породы! Ты выглядишь, как настоящее дитя знатных родителей! Неудивительно, если в твоих жилах течет даже императорская кровь!

Теренция, еще недавно разгоряченная и довольная, мгновенно сжалась в холодный испуганный комок.

А если он что-то узнал? Если узнал или догадался и все разболтает? О, боги! Даже здесь, в сырой комнатке лупанария, настигает ваш отчаянный беспощадный гнев...

...В императорском дворце спрятаться от матери – проще простого. Там много комнат, множество мебели. Хорошо притаиться за высоким массивным бронзовым светильником или за ложем, накрытым красной тонкой накидкой. Но лучше всего, конечно, забраться за ларарий¹¹, высокий массивный шкафчик, на котором расставлены причудливые статуэтки божеств и возложенные для них дары. Ларарий достаточно большой, из-за него ни за что не разглядеть тонкую фигурку дочери в белой тунике. Мама вообще относится к ларам¹² с большим почтением, ей и в голову не придет, что именно за их алтарем-домиком притаилась шаловливая дочь.

Прижавшись к теплому гладкому дереву, Теренция уже больше часа раздраженно наблюдала, как мама кружит по огромному залу.

Ведь договаривались же играть в прятки. А чем занимается мамочка? Вместо того чтобы искать дочь, она то и дело смахивает пыль со статуэток, легкий веник из длинных перьев без устали порхает по белоснежному гладкому мрамору! Да она просто позабыла о своем обещании! Сказала: «Мне нужно сначала закончить работу». Вот уж действительно, взрослым верить нельзя, они только делают вид, что обещают, а сами ради этой работы на все готовы и обо всем забывают. Надо будет как-нибудь при случае взять мамин веник и тоже попытаться смахнуть пыль. Со стороны-то кажется, что играть в прятки интереснее, а пыль – скучнейшее дело. Но кто знает, может, стоит попробовать, и тогда выяснится, что все наоборот...

Высокий мужчина в белой тоге с пурпурно-золотистой каймой, с лавровым венком на редких седых волосах появился из-за колонн совершенно неслышно.

¹¹ Алтарь для семейных богов.

¹² Домашние божества.

«Император, – обрадовалась девочка, выглядывая из-за ларария, – так вот он какой! Я часто любовалась его женой, она такая красавица. А вот его ни разу еще не видела. Оказывается, совсем некрасивый и старый. Но что это? Что он делает? Почему он прижимает мамочку к колонне?..»

Сначала ей показалось: Клавдий избивает мать, резко толкает ее вверх, стремится раздавить своим телом о мраморный столб. Но мама только крепче обхватывает его за спину, лицо ее светится от удовольствия, с губ то и дело срывается: «Еще! Как хорошо...»

От странной картины Теренцию отвлек едва слышный звук шагов, доносившийся с колоннады. Девочка обернулась, и ее сердечко екнуло.

Она...

Диковинный цветок, сияющее солнце! Валерия Мессалина, в пурпурной пале, золотых сандалиях, украшенных разноцветными искрящимися камешками, с алой лентой в копне черных локонов, всегда вызывала у Теренции лишь одно желание. Любоваться женой императора как можно дольше. Она такая необычная, такая яркая, такая... Да даже отдыхая на ложе, с лицом, закрытым полупрозрачной накидкой, Валерия Мессалина приковывала к себе взгляд, словно богиня.

Совершенная. Непредсказуемая. Меняющаяся.

Она приближается, уже видно, как хмурятся тонкие темные брови и белоснежные зубы потухли, скрылись за красными округлыми лепестками сжатых губ.

Гроза.

Пожар.

Гнев самого Юпитера...

Чтобы не закричать от ужаса, Теренция зажала рот ладошками.

Валерия Мессалина, выглядывая из-за колонны, наблюдала за мамой и императором, и ее черные глаза, казалось, метали молнии.

– Надеюсь, теперь у нас будет мальчик.

– Дочь, – Клавдий осторожно опустил маму на пол и стал приводить в порядок свое платье, – обещает стать настоящей красавицей, как и ты. Я видел ее, когда она играла в атрии. Залюбовался, очень красива! Но я мечтаю о сыне! Британик слабо здоровьем, а жена больше не может понести. Хочу передать власть кровному наследнику.

Дочь? Мамина дочь? То есть речь идет о... Но ведь тогда выходит, что отец...

Теренция потрянула медными кудряшками. Нет, она что-то неправильно поняла. Император – муж Валерии Мессалины, это она подарила ему двух детей – зазнайку Клавдию Октавию и совсем маленького еще Британика, бессмысленно улыбающегося любому лицу, которое он видит из своей колыбельки. Мама говорила, что Калигула выдал Валерию Мессалину замуж за Клавдия, когда ей едва минуло шестнадцать лет. Тогда над пожилым Клавдием все потешались. Старенький, он то и дело засыпал на ложе в разгар самого веселого пира. И весь Рим был в недоумении, когда именно Клавдия провозгласили императором.

Император – отец?! Он любит маму? А как же тогда Валерия Мессалина?

Теренция не помнила, сколько времени она провела, сжавшись в комочек в полутемном углу зала, не заметила, когда и куда удалились из покоя взволнованные взрослые. Очнувшись лишь от острого пронзительного чувства голода. Удивленно разводя ручками, она заторопилась на ту половину дворца, где ели и спали рабы, вошла в свою комнату, и...

– Теренция, беги! Беги отсюда! Иначе она доберется и до тебя тоже! Ты в опасности. Убегай, прошу тебя!

Она не послушалась слабо стонущую маму. Стояла как вкопанная, смотрела на страшную красную лужу, которая натекла из маминого живота на окровавленную тунику, на белое мамочкино лицо.

Кажется, за пределы дворца девочку тайком проводила добросердечная рабыня.

Теренция смутно помнила: ее куда-то вели, потом везли, укрыв жесткой вонючей рогожей, в тележке, запряженной осликом. Его копыта негромко цокали по дороге, протяжно скрипели несмазанные колеса. И весь мир тонул в соленом дожде слез, глаза горели так, словно бы в них щедро сыпанули раскаленных углей. Ничего не хотелось. Даже умереть, отправиться к мамочке – таких мыслей не было, вообще ни о чем не думалось. Просто текли слезы, скрипели колеса, воняла колкая рогожа...

Крестьяне, которые согласились укрыть Теренцию, жили бедно, впроголодь. Хотя ветки деревьев в их саду ломились от оливок, а коровы давали теплое жирное молоко, все это отбирали какие-то люди в блестящих звякающих доспехах. Они грузили свертки и кувшины на телеги (куда ни кинь взгляд, везде были подводы, десятки, а может, даже и сотни!) и иногда приговаривали: «Воистину, самое великое в Риме – это его аппетит». Теренции в лучшем случае доставалась полбяная лепешка или горстка фиников. Разве это еда? Живот от нее прилип к позвоночнику, а по ночам снились то сыр, то мед, то огромный кувшин с дымящимся парным молоком.

Но лишнего рта тем не менее крестьянская семья в конечном итоге терпеть не стала.

Теренции едва минуло тринадцать, когда ее привели на рынок, где стояли, лежали, двигались сотни людей: мужчин, женщин, деток. «Живой товар выглядит каким-то полудохлым, – оглянувшись по сторонам, саркастически констатировала девушка. – И я, должно быть, мало чем отличаюсь от этих скелетов, обтянутых кожей. Нет, не зря я опасалась приютивших меня крестьян. Они только прикидывались добрыми, а сами заставляли работать с утра до вечера, кормили впроголодь и в конце концов притащили на невольничий рынок. Что ж, я рада тому, что уже скоро нам предстоит расстаться. Хуже, чем в деревне, мне у новых хозяев явно не будет...»

В тот день нещадно палило солнце, хотелось пить, поэтому прикосновения ощупывающих липких рук казались особенно противными. Для работы по хозяйству требовались девушки полные, крепкие, выносливые. Те, кто выбирал рабынь на кухню, равнодушно проходили мимо. Однако для лупанария молоденькая, гибкая, стройная Теренция подошла наилучшим образом. «Худая – это хорошо, – одобрительно кивнула матрона в дорогом платье, развязывая мешочек с сестерциями. – Толстых девушек в нашем деле не жалуют, любовница – не корова...» Сначала Теренция жалела только об одном: что ее увезли в Эфес. Рим, где оставался отец, все-таки казался пусть и ненадежным, полным опасности, но домом.

Потом она благословляла тот корабль, и огромное море, и даже долгую мучительную тошноту, не покидавшую ее на протяжении всего долгого пути.

Вести из Рима пришли и смешные, и жуткие. Но кровавых событий все же произошло намного больше. Находиться в том городе теперь было бы опасно...

Да, так и надо Валерии Мессалине, распорядившейся убить мамочку. Преступнице досталось по заслугам. Императрица окончательно спятила! И это в какой-то степени объяснимо... После того когда принимаешь много мужчин, голова пустеет, словно опорожненный горшок, в ней не остается ни одной мысли. Наверное, Валерия Мессалина от своих многочисленных кавалеров вообще утратила способность соображать (еще бы, выиграть соревнования с римской проституткой. Гетера за ночь смогла принять двадцать пять мужчин, а Мессалина всех пятидесят!) Как только Клавдий уехал из Рима в Остию, собираясь совершить приношение богам, она надумала... выйти замуж за своего любовника, заставила понтифика провести церемонию, распорядилась вынести в сад роскошное брачное ложе. Клавдий, слабохарактерный, туго соображающий, даже после такого позора хотел простить Валерию Мессалину, однако у нее было полно недоброжелателей. И ее убили, якобы по приказу императора, который на самом деле, скорее всего, помиловал бы беспутную супругу.

Поделом же ей! Убийца давно заслужила мучительную смерть.

Однако потом Клавдий женился на Агриппине, и разлилось такое море крови... Может, в беспутстве новая жена уступала предыдущей, но в коварстве и жестокости она, безусловно, превзошла Мессалину. Как извержение вулкана, она выжигала всех и все на пути абсолютно не имеющего никаких прав на титул императора своего сына Нерона. Она пощадила лишь дочь Мессалины Клавдию Октавию, выбрав красивую девушку в невесты своему полусумасшедшему сыну. По ее распоряжению безжалостно устранили законного наследника империи Британика. Потом – незаконнорожденных детей от официальных наложниц. Затем она стала выяснять, имеются ли прямые наследники от работавших во дворце рабынь...

В такой ситуации быть дальше от Рима – благо.

Вот только страх... Он не дает покоя. Все время стоит перед глазами бледное лицо мамочки и темнеющая лужа густой крови. У тех, кто при власти, расправа скорая. И пощады от них не дождешься. Если только Нерон узнает, что незаконнорожденная дочь Клавдия жива, мучительной смерти не избежать. Жестокий, везде видящий заговоры, он не терпит даже тени любого наследника императорского титула...

– ...Теренция?! Теренция, что с тобой?! Ты такая грустная... А у меня хорошая новость. Знаешь, я, пожалуй, решил, решился. Сниму тебе дом, подарю десяток-другой рабов, ты будешь там жить, ни о чем не заботясь, свободная, как веселая птичка! С этим занятием для тебя все кончено. Хочу, чтобы ты была только моей. Невероятно, но я тебя... Ну, в общем, все решено. Меня уже давно посещали такие мысли, и вот...

Девушка, взвизгнув, бросилась Марку Луцию на шею.

– Спасибо! Спасибо, любимый! Какая жизнь у меня теперь начнется! Совершенно новая! Я буду просыпаться на заре и сразу же велю нести себя на носилках в термы. У меня ведь будут носилки с чудесными яркими шторками! А потом я стану ждать тебя к обеду, распорядиться насчет блюд, следить за тем, чтобы ложа, на которых мы станем вкушать пищу, были украшены цветами! О, боги! О, Марк Луций, я так счастлива!

Оживленная, радостная, Теренция плакала и осыпала поцелуями лицо своего любовника, с наслаждением кричала о том, о чем раньше не позволяла себе даже мечтать. А потом вдруг застыла как изваяние.

– Что с тобой? – Пальцы Марка Луция нежно обводили каждый позвонок на спине Теренции. – Ты испугалась? Но чего? Я же с тобой, милая.

Она кивнула и едва слышно выдохнула:

– Лепида... Как с ней быть?..

Сципион беззаботно пожал широкими смуглыми плечами:

– К счастью, моя жена слишком глупа для того, чтобы причинить нам неприятности. И потом, любовь со мной ее никогда особо не интересовала. Ей хотелось войти в мою знатную семью, я же был рад получить ее приданое. Лепида красива, но холодна как лед. К тому же она настолько недалекая женщина, что у меня нет никакого желания навещать ее в спальне. С дурами и любовь не в радость, честно! Подозреваю, она от такого отношения совсем не страдает. Как-то я наблюдал за ней в термах. Прекрасные рабыни помогали Лепиде не только мыться...

Кушадасы, май 2009 года

Пожалуй, прошло два дня перевозки воды.

Обида на мужа отпускает меня только теперь.

Сквозь еще не рассеявшиеся облака стало пробиваться солнце, я выбралась на пляж, растянулась в шезлонге. И, различая в гоготании немецкой речи (бюджетный четырехзвездочный отельчик на берегу Эгейского моря, в котором мы остановились, просто оккупирован бургерами) нежный ласковый шум волн, начинаю чувствовать к Леньке искреннюю благодарность.

Я очень редко отдыхаю, последний раз мы выбирались на море лет семь назад, в Болгарию. Профессия у нас та еще, оба – судебные медики. А труд экспертов – это катастрофически ненормированный рабочий день. С утра – вскрытия, потом суды, проверка показаний на месте, затем до ночи – оформление экспертиз. Разобраться с текущей писаниной невозможно физически, часть актов всегда остается на выходные. В понедельник – новый круг любимого ада, работа нон-стоп, поэтому к отпуску мы с супругом подходим, как сироты казанские. Изрядно поизносившись (нет времени выбираться в магазины за обновками), почти без друзей и родственников (прокляли в третьем поколении за то, что мы опять пропустили важные юбилеи и праздники), с еле дышащим, кряхтящим всеми своими деталями автомобилем. Да еще и квартира, предательница, как-то регулярно ветшает. То покупки, то гости, то ремонт – и отпуск вдруг заканчивается.

Но наконец твердо решили – пропади оно все пропадом, потом разберемся с бытовыми делами, а теперь едем на море. Выбрали курорт, отель (не так чтобы уж очень шикарно, но достойный мидл-класс, все-таки один раз живем, чтобы слишком экономно экономить) – и тут моему драгоценному зачем-то понадобилось сломать ногу. На ровном месте упал! Перелом – серьезнейший, со смещением... Мужики, с моей точки зрения, вообще создания беспомощные, а уж болеющие – и вовсе сущими детьми становятся. Ну, как Ленька без меня, но с костяной ногой? Вообще-то при таких проблемах со здоровьем, конечно, дают больничный. Но муж визжит, что с ума сойдет в четырех стенах и не собирается сидеть дома. В принципе худо-бедно он со своим гипсом пару вскрытий в день проведет (часто ежедневно с шестью-десятью трупами приходится иметь дело, но моему инвалидику, конечно, разрешат похалтурить). Однако кто будет его отвозить на работу? Сын с невесткой живут на другом конце Москвы и при всем желании не смогут прорваться к нам через перманентные пробки. А еда?! Кто накормит моего брошенного сиротинушку?! Я, конечно, иногда, увлекшись описанием «огнестрела», сжигаю рис и котлеты, но супруг же вообще готовить не умеет! «Ничего, я справлюсь, – утешал меня благоверный, откладывая костыли. – И собак наших детям не придется отдавать – все-таки им неудобно было бы с непривычки с двумя псами возиться. Деньги не пропадут за твою часть путевки. Уж как-нибудь разберусь: еду приготовлю, с Лаймой и Боськой погуляю. Собаки у нас старые, спокойные, с ними проблем не будет. Не волнуйся, о себе хоть раз подумай. Наташа, ты ведь уже сто лет не отдыхала!» Он был прав, но так не хотелось оставлять его и путешествовать одной. Знаю я такие поездки: никакого отдыха, от мужиков бы отбиться. По паспорту лет мне неприлично много, в портмоне – фотография подрастающей внучки, но внешне я выгляжу как обаятельная рыжеволосая барышня немногим за тридцать. То, что надо для курортного романа с точки зрения большинства мужчин. Повезло мне с генетикой, и маму мою за сестру-ровесницу принимали. Хотя бывают ситуации, когда я о своей эффектной внешности искренне жалею – обслуживание ухажеров занимает много времени и сил, а со всем этим у меня напряженка.

Но Ленька пропустил все мои аргументы мимо ушей. Бормоча: «Рыжая, не нервируй меня!» – все-таки заставил собрать чемодан, вызвал такси. Да еще и сам со мной отправился

– проконтролировать, чтобы я никуда не сбежала из аэропорта. Ведь я могу! Возле аэропортов и вокзалов часто живут бродячие собаки. Собаки – моя слабость, бездомные песики – боль... Я всегда помогаю приюту для животных: собираю деньги, покупаю корм. Когда вижу на улице такую животинку, затравленную, облезлую, с надеждой разглядывающую двери магазина, у меня сердце кровью обливается. Ох, как хорошо Ленька меня знает: как-то раз, покупая псу мясо и обрабатывая подбитую лапу, я даже опоздала на поезд.

Итак, вот – вопреки всему – все-таки Турция...

Она оказалась совершенно не такой, как представлялось за просмотром буклета в туристическом агентстве. Никакого буйства сине-зеленых красок – свинцовое море, пасмурно-серая, сочащаяся дождем губка неба, сосны и пальмы тоже какие-то нахохлившиеся. Отель, не обработанный в реальной жизни фотошопом, выглядел не столь сверкающе-презентабельным. Окна моего номера выходили на море, но я сразу поняла, что наслаждаться свежим морским бризом, увы, не придется: даже при «задраенных люках» в комнате чувствовались все запахи расположенной этажом ниже кухни. Попытки сначала дать взятку, а потом закатить истерику на рецепции успехом не увенчались. Миловидная темноволосая девушка, натянуто улыбаясь, упрямо твердила, что ей очень жаль, но теперь в отеле большой наплыв туристов, и номер без кухонной «ароматерапии» освободится не раньше чем через неделю. С учетом того, что у меня тур всего на десять дней, я, разумеется, буду счастлива перед отъездом переехать в более комфортную комнату! Вдобавок ко всем бедам за ужином пожилой немец одаривал меня такими страстными взглядами, что я невольно подавилась. И окончательно разозлилась на Леню. Мог бы и не ломать ногу. Или разрешил бы мне остаться в Москве!

Но вот теперь, всей кожей впитывая ласковые поглаживания солнца и теплого ветерка, предвкушая обнимающие прохладные волны, я, кажется, пьянею от моря, счастья, от похожей на наше лето южной весны. И чувствую искреннюю признательность мужу, вытолкавшему меня из душной загазованной Москвы.

– Я могу лежать на этот шезлонг? Или он занят? А, я знать, занят. Красивые женщины никогда не есть свободные!

Поворачиваю голову на звонкий, с жутким акцентом голос. Его обладатель – типичный немец, рыжеволосый, голубоглазый, жизнерадостный. Лет тридцати пяти – сорока, худощавый. Мне нравится его стрижка – спереди короткий ежик, сзади длинные, выющиеся колечками пряди. Интеллигентные очки – не солнечные, обычные, со светлыми стеклами, в тонкой золотистой оправе – внушают доверие. Смешная сережка в одном ухе – второе ухо не проколото. Еще так и тянет по-дурацки расхохотаться, мужчина вроде бы говорит по-русски, но интонации – словно в немецких порнофильмах. Все, как ранее и предполагалось: начинаю пользоваться успехом. Леня, Леня, а ведь я тебя предупреждала.

Даже обидно, что муж на редкость не ревнивый. Не уверена, что в аналогичной ситуации вела бы себя столь же великодушно! Я, конечно, сама не ревную, но хату в случае чего спалю. И со шваброй по квартире погоняю – для профилактики. Чтобы я отпустила мужа отдыхать одного – да ни за какие коврижки! Ленька же поспокойнее в этом плане. Верит, не сомневается...

Впрочем, я не всегда в полной мере оправдываю оказанное мужем доверие. Он не догадывается, что порой его отсутствие – как мучительная невозможность уцепиться за берег в бурном потоке чувств. Но я тем не менее стараюсь не пачкать супружеские отношения физической изменой. Даже если очень хочется. Мой Леня – самый лучший, такой любимый, понимающий и великодушный. А искушения существуют для того, чтобы их преодолевать. Хотя иногда с этим тезисом ой как хочется поспорить. Не понимаю, как мне все же удалось

устоять перед таким красавчиком, как Михаил Панин¹³. До сих пор помню его манящий, обещающий нежность взгляд...

– Меня звать Дитрих. Я – историк, работать в высшей школе. И я люблю путешествовать. Каждый год – новая страна. – Он уже сидит на соседнем шезлонге и, не смущаясь, одобрительно рассматривает мои ноги. – А какое ваше имя? И чем заниматься вы?

– Я заниматься врач-проктолог.

– Какой врач? Про-кто-лог? Я знаю – хирург, пе-ди-атр.

Перевернувшись на бок, я звонко хлопнула себя по ягодице:

– Я лечу вот это, ферштейн?

Немец мгновенно покраснел и смущенно улыбнулся. А я, хотя и соврала, не испытала ни малейшего укора совести.

Нет-нет, увольте меня от расспросов про работу.

...Вообще-то у меня наличествует дурная привычка – резать людей правдой-маткой, даже когда меня ни о чем не спрашивают. Говорю быстрее, чем думаю. Если вообще думаю. Врать не люблю и не умею. Хотя бывают исключительные случаи. Все, что связано с профессией судебного медика, например, для меня уже стало поводом ироничных шуток.

О! Я наизусть знаю те многочисленные вопросы, которые возникают у далеких от нашей кухни людей.

Сначала меня спросят, едят ли эксперты в секционных. Само собой! Только там и питаемся, очень удобно. В одной руке скальпель, в другой бутерброд с колбасой. Пикантный аромат крови, формалина и содержимого кишечника здорово стимулирует аппетит! А если серьезно, то для этих целей у персонала морга есть специальная комната, с микроволновкой, чайником, кажется, даже небольшим телевизором. Я туда почти не заглядываю, предпочитаю сгрызть пакет орешков возле компьютера. И еще хорошо отметить выполнение экспертизы парой стаканов молока. Я не думаю, что работа судмедэксперта особенно вредна (хотя по некоторым параметрам мы здорово рискуем, во время вскрытия можно заразиться туберкулезом или, не приведи господь, ВИЧ). Однако у меня с годами развилась наркотическая зависимость от молока, как будто бы вкалываю на самом вредном производстве. Если литр в день не выпью – ко мне лучше не соваться, загрызу! Но возвращаясь к теме полноценного обеда. Времени на него нет. В том числе и официально – никакой перерыв, даже самый короткий, не предусмотрен. Эксперт, видимо, должен всегда трудиться как робот!

Еще один актуальный блок, очевидное-невероятное, – пытливая любознательность дилетантов. Про оживающие трупы. О! Как же не спросить – бывало ли такое, что к вам привезли покойника, а он вовсе даже и не покойник? Вы ему брюшную полость разрезаете – а он как обрадуется, как завоет?! Да-да. Бывает. Сурова и страшна наша статистика:

– каждый третий человек на самом деле умирает в морге от вскрытия;

– каждый второй находит в себе силы сбежать с секционного стола;

– каждый первый тянет к эксперту холодные пальцы и душит его, душит. А потом хватается скальпель и проводит аутопсию¹⁴ уже судебному медику.

Впрочем, шутки шутками, а как-то раз иду я вечером по морговскому коридору. Время позднее, пора домой собираться, а мне все неймется. Решила, что надо еще раз рану на трупе осмотреть, затерзали меня ближе к ночи смутные сомнения. Теперь, правда, не помню, какие именно, но не в этом суть. Итак, коридор морга, полумрак, никого уже нет, трупы, вдоль стен на каталках лежащие, конечно, не в счет. И вдруг слышу приятный такой мужской баритон, с игривыми интонациями: «Привет... Как дела? Ты меня ждешь?» В обморок, конечно, не шагнулась. И мурашки по спине не поползли, с нервишками у меня все в порядке. Однако

¹³ См. роман «Последняя тайна Лермонтова».

¹⁴ Вскрытие.

все же как-то удивленно задумалась: в самом деле, как у меня дела и кого именно я жду или не жду?... Что оказалось. Васька, санитар, между каталками на корточках присел, решил с кем-то по телефону полюбезничать. А что атмосфера? Не благоприятствует нежным беседам? Да Вася тот в упор не видит уже каталок с одетыми навывнос трупами, они для него – как деталь интерьера, как плитка на стене. Действительно, привыкаешь со временем к внешним проявлениям смерти, не обращаешь внимания, не боишься. Но вместе с тем есть и то, к чему привыкнуть невозможно, – боль родственников, потерявших своих близких. От сочувствия мучительному горю и слова утешения не находятся, только жалко очень, мычишь что-то маловразумительное. А сердце невыносимо ноет. И так каждый день, много лет подряд – а все равно обида и недоумение захлестывают как в первый раз. Но если взглядеться пристально в эти муки (честно и беспристрастно), то там, на самом дне, видны непривлекательные всполохи неконтролируемой, тщательно скрываемой радости. С тобой и твоими родственниками ведь ничего не произошло, мимо беда прошла, стороной, только холодом и слезами повеяло...

Ну и последнее, наверное. Черный юмор судмедэкспертов. Есть или нет? По мне – так вот нет. Мы – белые и пушистые. А черный юмор – весь у следователей. Меня поражает в них скудость ума в сочетании с буйством фантазии. Недавно одна деваха, занимавшаяся расследованием смерти младенчика, выдала эксперту пассаж. Дескать, скажите, уважаемый специалист, мог ли младенец выпасть из окна без постороннего вмешательства. Я, как всегда в таких случаях, возбудилась, перезвонила этой козе из следственного отдела. И поинтересовалась, как она вообще до такого додумалась – что груднички сами в окно сигают?! Деваха в трубку попыхтела-посопела и застенчиво выдала: «Ну, может, он шел-шел, оказался у окна, заигрался и упал». В два месяца! Дошел, взобрался на подоконник, заигрался! Ладно, бог с ней, с девицей, она молода – и у нее есть шанс если не поумнеть, то сделать ценное открытие о невозможности двухмесячных деток ходить ножками. Но ведь большинство-то следователей – люди взрослые, а чудные! Недавно на дежурстве был выезд на труп, обнаруженный в гаражном кооперативе. Приехали – мужичок возле «ракушки» на земле валяется, в спину нож воткнут. Не надо тут быть семи пядей во лбу, чтобы понять: проткнули бедного дяденьку, и рука у злодея не дрогнула! Но нет – следователь скребет лысину и начинает рассуждать: «Может, мужик не убит, а с собой покончил? Вы скажите, Наталия Александровна, мог ли он себя так ловко в спину пырнуть? Не выйдет, рука под таким углом не гнется? Понятно. Ах, как жалко! Но ничего, кто ищет – тот находит, ведь он мог по-другому поступить. Вон там возле забора кирпичи кто-то сложил, видите? А что, если он нож между кирпичами засунул – а потом спиной да на лезвие с разбега?...» Блин, видел бы кто те кирпичи! Мало их там, невысоко они сложены, до середины бедра всего лишь доходят. Получается, даже если отбросить абсурд следовательской версии, потерпевший должен был в полуприседе о кирпичи спиной шахаться! Смех смехом, но я потом действительно вынуждена была в заключении писать, что очень сомневаюсь в возможности покончить с собой, пятась на корточках к зажатому в кирпичах ножу. Это только в книжках следователи с огнем в глазах азартно расследуют преступления. В реальной жизни пыл на другое направлен – уголовное дело не возбуждать. А поиск преступника, неотвратимость наказания, справедливость – это все из области литературы. Кстати, не то чтобы я осуждаю подобную поэтизацию образа. Иногда даже сама в детектив краем глаза загляну или под криминальный сериал уборку затею. Ну и нормально – милиция там такая вся из себя порядочная. Пусть люди видят хорошее, верят в лучшее. Сегодня и так все вокруг нервные, несчастные...

Впрочем, что я все над следаками ерничаю. И у нашего брата смешные проколы случаются. Помню, был у нас начальником бюро судебно-медицинской экспертизы один дядечка, склонный к публицистическим излияниям. Статьи любил писать – про совесть, нравственность и прочие моральные категории. К нему человек в кабинет заходит, а он бац ему –

и статью «Как начать жить по совести?» в качестве презента. Человек сразу напряженно думает: что именно в его облике натолкнуло на мысль о необходимости такого чтения?! А еще тот начальник бюро очень рассеянным был, и мы иногда над этим подшучивали. Привел он как-то в морг выводок ментов-курсантов, им полагается такие места посещать. Заходит в одну секционную, бодренько спрашивает у эксперта: «Что тут у нас?» – «Двойное удушение». Начальник глаза трет – одна жесткая странгуляционная борозда на шее трупа. «Ну, как же, – продолжает потешаться эксперт, – вот на этом столе труп с удушением, и на том – тоже. Итого – двойное. Что же вы забываете-то нашу терминологию? От жизни оторвались!» Начальник в следующую секционную молодых ментов загнал, а там тоже два трупа, уже с извлеченными органокомплексами, оба – с явными следами ишемической болезни сердца, ИБС. «Вот, обратите внимание – случай двойной ИБС», – продолжил учить молодежь шеф.

– ...Вы уже выбирать экскурсии? Мы можем ехать вместе! Я понимаю русский, мне русский гид – очень хорошо, практика, – радостно щебечет Дитрих. Он отметил отсутствие на моей руке обручального кольца и почему-то приободрился. Зря: судебные медики обычно колец не носят, украшения вместе с перчатками на раз-два снимаются. – Эфес, Памукале – здесь есть много интересного! А еще мы можем выбрать прогулку на яхта.

Я собираюсь его расспросить о местных достопримечательностях поподробнее. Все-таки хочется составить хоть какое-то впечатление о стране. Пока я вообще не чувствую себя в Турции! Вокруг – немцы, а персонал отеля, как ни странно, в большинстве своем обладает скорее славянской, нежели восточной, внешностью. И я видела много светловолосых горничных! Почему? Здесь рядом Греция, но там тоже все смуглокожие, черноглазые... Пожалуй, надо действительно съездить на экскурсии. И обязательно выбраться в город. А как иначе понять, какая она, Турция! У бассейна или на морском пляже дыхание страны не почувствуешь. Гид говорил, что возле отеля останавливается местная маршрутка – долмуш. До центра Кушадас всего минут двадцать езды.

Но озвучить свои мысли я не успеваю. Внимание внезапно привлекает хрупкая женская фигурка в красном купальнике, несущаяся вдоль берега с истошными истеричными криками:

– Помогите! Егор тонет! Где спасатели?! На помощь! Кто-нибудь, господи, господи! Ну что вы лежите?! Ребенок там тонет! Помогите! Я плавать не умею!

Пока я вскочила с шезлонга, немца рядом уже не оказалось – помчался к перепуганной бледной женщине. Мне стали заметны две быстро удаляющиеся спины, потом, взревев, море вспенила белая шустрая лодка с синей полоской вдоль борта...

Наш отель называется «Long Beach». Чистая правда: линия пляжа не просто длинная, она огромная, многокилометровая. Чуть ли не до горизонта уходят длинные ряды шезлонгов, перемежающихся зонтиками из чуть растрепанного тростника. Оказывается, в этом есть и минусы, в непредвиденных ситуациях так сразу и не получится прийти на помощь.

«Дура, что же я стою? – пронеслось в голове. – Надо скорее туда, оказать первую помощь, врач отеля так быстро не успеет. Не приведи господь, еще кто угробит ребенка, с наилучшими намерениями, конечно. Не все же медики!»

Эфес, I век н. э.

– Феликс! Феликс... я с тобой разговариваю! Ты что, оглох?! Нет, клянусь всеми богами, с таким усердием тебе не миновать розог!

Квинт, надсмотрщик за рабами, занятыми в общественном туалете, орал что было сил. Но Феликс не слышал его гневных воплей. От едкого запаха человеческих испражнений он почти все время находился в каком-то странном состоянии, напоминающем сон с открытыми глазами. Тело наливалось свинцовой тяжестью. В голове делалось пусто-пусто...

Перед Феликсом, на мраморных скамьях с круглыми прорезями для отправления естественных надобностей, сидели люди. Их фигуры расплывались, превращались в цветные размазанные пятна. И почти полностью исчезали все звуки.

Вообще-то, говорят, летом в общественном туалете не так уж и невыносимо: легкий ветерок постоянно дует под потолком, где предусмотрены специальные отверстия для проветривания зала. Однако теперь слишком холодно, дырки заткнули шерстью, и дышать в туалете стало практически невозможно. Посетителям хорошо – они забегают ненадолго, обменяться новостями, посплетничать. Но если здесь находиться с утра до вечера... Да еще и спать в огороженном дальнем углу этого помещения, где запах практически тот же, мучительно-едкий... А ведь под скамьей все время журчит вода. Направленный в желоб поток смывает нечистоты и уносит их за пределы здания, в специальные ямы. Однако вонь все равно стоит отупляюще невыносимая...

Квинт тем временем не унимался:

– Феликс! Ты будешь играть или нет?! Ты стоишь как столб уже полдня, а у тебя в руках, между прочим, кимвал!¹⁵

Он пришел в себя только от сильного толчка в бок. Понял, что ударил его худенький флейтист, стоящий рядом на постаменте, оборудованном в центре зала. Парень выглядел недовольным и уставшим: от долгой игры лицо его стало серым, темным, как туника из грубой, небеленой ткани, в которую был одет юноша.

Работающим здесь рабам и правда приходится нелегко. По правилам, надо играть, когда в туалете есть хоть кто-нибудь из посетителей, – для того чтобы заглушить естественные звуки и доставить эстетическое удовольствие. Станные они, мягко говоря, люди, эти эфесцы. Удовольствие при таком минутном срамном деле! Туалеты, как и термы, есть в каждом богатом доме. В роскошном особняке Сервилия, например, имелось целых два отхожих места, и все равно хозяин сюда наведывался. Непонятная радость – опорожнить кишечник при свидетелях! Но тем не менее в туалете постоянно кто-то есть, поэтому музыканты вынуждены все время работать.

– Похоже, тебя точно звали не Феликс. Этого имени ты вообще словно не слышишь, – сочувственно заметил еще один раб, со свирелью. – Неужели ты вообще ничего не помнишь о своем прошлом?

Феликс, ударяя половинками кимвала, едва заметно пожал плечами.

Какой он на самом деле Феликс?¹⁶ Хозяин решил так звать его явно в насмешку!

А память, увы, давно похожа на разбившийся сосуд, и только несколько небольших осколков удалось сохранить.

Большой прекрасный корабль с могучими белыми парусами; толстые, ранящие ладони веревки, которые надо то ослаблять, то затягивать; длинноволосые мужчины с коричневыми от солнца лицами в яркой одежде...

¹⁵ Музыкальный инструмент, что-то вроде тарелок.

¹⁶ Имя переводится с латинского как «счастливый».

Люди в таком броском убранстве, конечно же, изношенном и оборванном, как и у всех, кто выставлен на рынке рабов, иногда встречаются и здесь. Говорят, то платье галлов. Поэтому, возможно, родиной была Галлия. А может, и какой-нибудь другой край. Сложно сказать что-то определенное, потому что других осколков памяти больше нет. И, скорее всего, никогда не будет. Хотя через несколько лет после работы в доме Сервилия воспоминания начинали становиться более четкими и подробными: возникали картины беспощадного шторма, нелепого кораблекрушения, а еще появлялось доброе женское лицо, в морщинках, но такое славное, такое светлое! Однако после того, когда господин, застав жену, как он кричал, «с презренным варваром», долго бил ногами в лицо, живот, в спину, зыбкая память потухла окончательно.

– Кхе-кхе-кхе, – демонстративно покашлял оживившийся флейтист, и Феликс улыбнулся.

В туалете появилась молоденькая рабыня¹⁷. Приподняв края одежды, она уселась на свободный кружочек, застреляла лукавыми глазками. А это значит только одно: очень скоро здесь появится и ее госпожа, для которой рабыня теперь греет место. Госпожа обычно сидит в туалете долго, ни с кем не общается, не сводит грустных глаз с постамента.

Флейтист умирает от ревности, ему так нравится эта миловидная женщина. Но влюбленный юноша ей безразличен, она ищет взгляд другого. А другой, избранник ее, старательно звеня кимвалом, постоянно отворачивается...

Да, вначале Феликсу это льстило – ни одна девушка не могла пройти мимо, восторженно не оглянувшись вслед. Светлые, с легкой рыжинкой волосы даже после того, как Сервилий распорядился их остричь, спадают на плечи золотыми волнами (а ведь раньше они вообще были до пояса!). Завороженные, будь то рабыни или их хозяйки, восхищались и синими, как море, глазами, чувственным капризным ртом. Все, как одна, говорили, что не видели прежде такого красивого стройного тела...

«Не надо мне больше никаких женщин, – раздраженно подумал Феликс, звеня кимвалом. – И я Флавии избегал, но она своего добилась. Нажаловалась мужу, что я ее не слушаюсь, он потребовал выполнять все распоряжения жены. Мое дело маленькое, я и стал выполнять. Решил: у них так принято. С этим народом и его обычаями вообще спятить можно! Впрочем, красота Флавии меня, конечно, завораживала. Потрясающая женщина: никогда не уставала от любви и многому меня научила. А какой красивейший перстень она мне подарила! Золотой, с ажурными решеточками, в которых закреплен сияющий камень. Под камнем – пластина с профилем красавицы Венеры. От него глаз невозможно оторвать. Каждый раз, когда я смотрю на него, сердце екает – неопишуемая красота, совершенная, невообразимая! Наверное, Флавия очень любила меня, если сделала такой подарок... А потом нас застал Сервилий. Я был так удивлен, что он рассвирепел! Мне-то казалось: выполняю его распоряжение! Потом уже вспомнил: Флавия ведь всегда ко мне приходила, когда муженька не было дома. Хитрая интриганка! Поняла, что муж зол, и выставила все так, будто бы это я ее соблазнил. Нет, не надо мне больше никаких женщин! От них радости на пару мгновений, а бед и разочарований – на всю жизнь! Сначала Сервилий хотел забить меня до смерти, но потом решил, что это было бы слишком просто. И отдал работать сюда, в общественный туалет. Здесь стоит такая вонь, что я часто думаю...»

Мысль оборвалась внезапно.

Легко на помине!

В туалете появился Сервилий, и Феликс, презирая себя, понял, что сжимается, съеживается под темным дурным взглядом хозяина. Вроде бы ни в чем не виноват перед ним, а все

¹⁷ Гиды, водящие экскурсии по развалинам Эфеса, уверяют, что посещение общественного туалета, являвшегося чем-то вроде клуба, практиковалось обоими полами безо всякого стеснения.

равно хочется провалиться сквозь землю. Лицо Сервилия опять искорежено ненавистью, он скрипит зубами, и руки сжимаются в кулаки...

– Приветствую тебя, великий музыкант! Ты по праву занимаешь свое место, оно соответствует твоему духу и наклонностям. – Сервилий, остановившись перед Феликсом, нервно повел шеей и взмахнул ладонью, отчего краешек белоснежной тоги, застегнутой брошью из красного сверкающего камня, едва не соскользнул с плеча. – Я давно заметил: от тебя бессмысленно ждать добрых дел или благодарности. Но я не сержусь на тебя. О нет, совершенно не сержусь! В знак моего прекраснейшего к тебе отношения я приготовил кое-какой подарок. Ты очень обрадуешься. В общем, можешь попрощаться тут со всеми. Вряд ли ты еще когда-либо сможешь лицезреть своих товарищей, с которыми ты занимался таким важным делом. Однако же не печалься. Тебя ждет еще более приятное времяпрепровождение...

Голос хозяина звучал обволакивающе-мягко. Обычно Сервилий вообще производил впечатление очень спокойного, уравновешенного человека. Любил читать философов, упражняться в ораторском искусстве в термах. А еще мог, устроившись с чашею вина в атрии, часами слушать, как журчит хрустальный фонтан, омывая струями воды белый мраморный кувшин. И после случая с женой внешне он остался таким же. Вряд ли бы кто-нибудь поверил, что этот статный мужчина может часами истязать соперника, наслаждаясь стонами мучающейся окровавленной плоти...

Когда они вышли из здания общественного туалета, Феликс с удовольствием сделал глубокий вдох, набрал полную грудь холодного чистейшего вкусного воздуха. И, сразу же бросаясь вдогонку, закашлялся. Сервилий, как назло, шагал так быстро, что его белая тога стала напоминать стаю вспугнутых чаек.

Кружится голова – вокруг свежесть, всюду приятные запахи. И ноги слабые, дрожащие...

Едва поспевая за хозяином, Феликс лихорадочно прикидывал, что за очередную пакость задумал мстительный рогагоносец.

Судя по тому, что они шагают в сторону, противоположную от самой главной улицы Эфеса, улицы Куретов, застроенной роскошными особняками и лучшими магазинами, о возвращении в огромный красивый дом Сервилия речи не идет. Скорее всего, хозяин решил найти для своего «любимого» раба новую, как всегда, мучительную работу. Но какую?..

Отдать в строители? Действительно, тяжело ворочать каменные глыбы, выкладывать стены из известняка или мраморные полы. Но после туалета такая работа кажется счастьем – свежий воздух, достаточно времени для сна, да и кормят, наверное, рабов на стройке неплохо. Разве многостроишь на голодный желудок?

Или вздумал сгубить на каменоломнях? Ох, там сыро, темно. Кровавые мозоли на руках, порванные мышцы и связки, вечно ноющий от поднятия тяжестей живот, соленый пот, разъедающий глаза... Безусловно, вот она, изощренно-достойная месть за касание упругой груди Флавии, золотистого курчавого треугольника внизу круглого животика...

– Пришли. Проходи же, мой... дорогой друг. – Сервилий подтолкнул опешившего Феликса в спину. – Вот и обещанный сюрприз: я продал тебя ланисте¹⁸. Надеюсь, по вкусу придется новая интересная жизнь. Впрочем, даже если и не понравится, не ропщи на судьбу. Недовольство весьма быстро иссякнет, так пересыхает ручей в жаркую пору года. Вряд ли ты протянешь здесь слишком долго.

От восторга он едва не задохнулся.

В это было невозможно поверить!

Стать гладиатором! Выходить на арену в шлеме, закрывающем лицо широким забралом, с большим выпуклым прямоугольным щитом-скутумом; с наручем на правой руке,

¹⁸ Владелец школы гладиаторов.

сжимающей меч-гладус! А впрочем, может и не сделают мирмиллоном¹⁹. У ретиария²⁰ простые доспехи: металлический наплечник – галерус, надевающийся на левое плечо и закрывающий шею, а еще наруч на левой руке. Куда грознее его оружие: огромная сеть и трезубец. Устоять «рыбке» против такого соперника очень сложно, одно неверное движение – и тяжелая сеть опутывает тело, и только толпа на трибунах решает, будет ли мирмиллон жить дальше. Какие это, должно быть, напряженнейшие, изматывающие мгновения: через застилающую глаза кровь вглядываться в стоящие на скамьях амфитеатра фигуры, пытаясь разобрать, вверх, вниз ли направлены большие пальцы выставленных вперед кулаков...

Смерть все время сражается рядом с гладиаторами. С ней можно состязаться. Или, проиграв, смиренно покориться ее ледяному дыханию. В любом случае это дело настоящих мужчин. Достойнейшее занятие! По крайней мере, не в тарелочки в общественном туалете стучать. Хозяин – идиот, ничего не понимающий в жизни. Неужели он действительно думал, что сражаться в честном поединке – более суровая кара, чем с утра до вечера нюхать дерьмо? Впрочем, хорошо, конечно, что он такой несообразительный...

– Вижу, ты очень рад. – Сервилий, обернувшись, пристально посмотрел на лицо Феликса. – Я ведь говорил, что не разочарую тебя.

Сердце тревожно кольнуло.

Куда же они все идут и идут? Почему не останавливаются?..

Вот уже остались позади казармы, сложенные из темно-серого камня, в которых – весь Эфес это прекрасно знает – живут гладиаторы.

Теперь прошли и учебную арену, на которой, щелкая деревянными мечами, сражаются крепкие юноши в кожаных набедренных повязках. Там дальше (об этом тоже известно всем любителям поглазеть на диговинки) выстроились ряды с клетками, битком набитыми рычащими тиграми и львами. Перед началом игр гладиаторов животных выпускают на арену для того, чтобы они растерзали несколько рабов, подготавливая беснующуюся толпу зрителей к виду невыносимой боли, крови, смерти.

Но тогда получается, что... уготована страшная роль... неужели Сервилий оказался настолько жестоким и задумал самое страшное?..

– Нет! Нет! – побледнев, не в силах совладать с собой, отчаянно зашептал Феликс. – Я не виноват, ни в чем ни капельки не виноват!

– Да, – хозяин счастливо улыбнулся, и морщинка на его лбу, появившаяся в тот самый день, когда он увидел свою любимую Флавию в объятиях раба, разгладилась. – Да, Феликс. Никто не даст тебе красивого звучного имени. Толпа, задыхаясь от любви и восторга, никогда не будет стонать: «Инвиктус»²¹ или «Геркулес»! Ты никогда не станешь гладиатором, я продал тебя ланисте с совершенно другими целями. И уже завтра тебя, перепуганного, совершенно безоружного, выпустят на арену к парочке голодных хищников. Кстати, ты слышишь их протяжный вой? Они ждут тебя, они предвкушают! Как думаешь, свет в твоих глазах померкнет, когда тебя станут терзать когтями или клыками? Или же все будет намного проще? И еще до того, как к тебе приблизится разъяренный лев с открытой жаркой зловонной пастью, твое сердце разорвется от ужаса?..

– Если мне суждено умереть, я это сделаю, как мужчина. Мужчина должен быть сильным. Именно сильным, а не издевающимся над тем, кто слабее, – пробормотал Феликс, пытаясь рассмотреть за спиной Сервилия лица гладиаторов, сражающихся деревянными мечами.

Кто там из парней выглядит подружелюбнее?

¹⁹ Тип гладиатора, досл. перевод с греческого – «рыбка». Во время игр существовало несколько моделей поведения сражающихся мужчин и видов вооружения.

²⁰ Гладиатор-«рыбак».

²¹ Досл. перевод с латинского – «непобежденный». Как правило, гладиаторы выступали не под своими именами, а под такими эффектными псевдонимами.

Сдаваться без боя не пристало в любой ситуации. И эта – тоже не безнадежна.

Если поговорить с кем-нибудь из тех юношей, то, наверное, они помогут бежать. Или, по крайней мере, расскажут кое-что о местных порядках, покажут потайные выходы, а там и до свободы всего ничего. Конечно, Сервилий бросится на поиски. Но деньги – лучшие помощники в бегстве, а денег можно раздобыть. К счастью, удалось припрятать в укромном месте перстень, подаренный Флавией, – дорогой и очень красивый. За него можно выручить не один кошелек, битком набитый монетами! Эх, раньше надо было бежать, из общественного туалета это сделать намного проще. Но – ничего, теперь тоже далеко не все потеряно. Он еще поборется! Он еще всем покажет...

Приободренный своими рассуждениями, Феликс вдруг услышал спокойный мягкий голос хозяина:

– Даже не думай о побеге. Я специально попрошу, чтобы до завтрашнего дня тебя бросили в клетку и заковали ноги цепью. Еда и вода тебе уже без надобности, а пополудни все будет кончено. Никому не позволено безнаказанно касаться моей жены, понимаешь?..

Кушадасы, май 2009 года

В сланцах бежать неудобно, ступни режет песок.

Но нет, без обуви еще хуже – мелкие камешки такие острые.

Что там с ребенком? Только бы обошлось!

Вода – это очень, очень опасно! Впрочем, все может причинить вред, любая мелочь, полная ерунда, о потенциальной опасности которой ничего не свидетельствует, – а жизнь обрывается, человека уже нет. Конечно, все предусмотреть невозможно. Но тем не менее это не причина для неоправданного риска, браважирования, наплевательского отношения к угрозам. Беспечность слишком дорого обходится. Если ребенок в воде плещется, пусть и в лягушатнике, с него глаз нельзя спускать. Фатальным может стать даже банальный глоток воды. Да, есть ведь так называемый вид «сухого» утопления – спазм голосовой щели на воду, раздражение водой и асфиксия по этому типу. А уж когда тонуть начинает – последствия могут наступить жуткие: нарушение работы сердца, кислородное голодание мозга, отек, гибель коры...

Однако – да, я явственно это вижу – с мальчишкой, кажется, все в порядке. Его теперь выносит из моря на руках высокий худощавый мужчина с длинными волосами. Ребенок вцепился в его шею, как клещами, словно бы задушить хочет своего спасителя. Похоже, он даже не особо нахлебался воды – не кашляет, не отплевывается, только дрожит. Худенькое тело, все ребра можно пересчитать, каждую косточку сотрясает сильнейший озноб.

Обошлось. Как хорошо!

Мать не удержалась, понеслась в воду, скорее навстречу своей кровиночке. И, машинально прикрывая лицо от соленых брызг, закричала:

– Егорушка, милый! Прости меня, прости дуру, заснула!

– Я хотел помогать. Но я не успеть. – В толпе взволнованно обсуждающих произошедшее на разных языках людей вдруг оказался Дитрих, тронул меня за руку. – А мать говорить: отец ушел в бар, а мальчик тонуть. Мать плавать сама не уметь, только папа уметь.

Бар, кто бы сомневался... Ну-ну, понятное дело. Увы, не всякий удержится от соблазна бесплатно выпить спиртное. Я думаю, в системе «все включено» для среднестатистического россиянина больше минусов, чем плюсов. Конечно, удобно – на время отдыха можно забыть о деньгах, необходимости расплачиваться почти не возникает. Но эта выпивка в неограниченных количествах мало кого оставит равнодушным. Если бы только люди знали, во что алкоголь превращает печень! Наверное, только для сосудов спиртное в какой-то степени полезно. Аорта у алкашей как у младенцев – чистая, без бляшек. Хотя зачем она, такая идеальная, когда вместо печенки – пригоршня киселя?..

Да уж, не повезло малышу с родителями: отец любит опрокинуть рюмку, мать – вздремнуть. Впрочем, не такой этот ребенок и маленький. Вот из голубого пушистого полотенца с Микки-Маусом выныривает бледная мордашка. Торчат во все стороны белые волосики-рожки, на одном глазике, похоже, лопнул сосуд, и краснота особенно заметна на фоне еще незагорелой кожи. Мальчику лет семь-восемь. Просто у его спасителя высокий рост – поэтому мальчишка и казался на его руках совсем крошечным.

А еще в глаза бросается вот что. Спасенный детеныш совершенно не похож на маму. Она – темноволосая, смуглая, ребеночек же беленький. Странно – как правило, по статистике «темные» гены перебивают «светлые», обратная ситуация возникает намного реже. Возможно, это именно тот самый случай...

– Спасибо, спасибо вам огромное! – Мать благодарно улыбнулась явно пытающемуся улизнуть мужчине. – Не знаю, как так получилось!

Тот смущенно отозвался:

– Если бы люди могли знать, почему происходят трагедии! Хорошо, что все обошлось.

У меня чуть челюсть не отвалилась. Получается, парень, вытащивший мальчика, – русский? Но у него ведь внешность типичного француза! Я была уверена, что этот красавчик прибыл из Парижа. Французы, приезжавшие к нам в бюро на стажировку, все, как один, были такими – худощавыми, мускулистыми, с волосами до плеч и «горбатыми» профилями. Впрочем, иностранцев скорее узнаешь даже не по каким-то специфическим чертам внешности, сколько по взгляду. Наш человек смотрит на жизнь как на потенциального обидчика: едва зазеваешься – получишь по шапке. Стандартно прилагающейся к какой-нибудь каскировке в супермаркете улыбкой никого не обманешь: глубина глаз посылает настороженными льдинками. Как им растаять, когда нет искренней теплоты, истинной любви к людям и жизни? Впрочем, я предпочитаю перманентно ожидающих удара под дых соотечественников беззаботным до имбецильности американцам. А вот европейское отношение к жизни – как к изысканному вину, красивой любви, безмятежному духовному счастью – мне импонирует. Подобный взгляд – умиротворенно-благожелательный – у беседующего теперь с Егором парня. Интересно, почему?.. Живет в Европе? Часто ездит медитировать в индийский ашрам? Он вообще инопланетянин с планеты вечного спокойствия? В любом случае смотреть на такие лица приятно, как на умиротворяющее явление природы, как на сочно-алый закат солнца или сбрызнутый алмазной росой зеленый луг.

– А почему ты тонуть вздумал? Ты же так плаваешь хорошо и девушек всех обогнал, – говорит мужчина, ероша светлые волосы ребенка. – Я еще вчера вечером, когда купался, внимание обратил: ты сам маленький, а движения рук такие профессиональные! И куда же твои умения все вдруг подевались? Хорошо, что я вовремя заметил, как кое-кто из волн все не выплывает!

– Да, обычно я – как рыбка. Буль-буль, карасики. – Егор втянул щеки, сложил губки бантиком, выпучил глаза. Ого, а малой артистичен. И правда, в этой его гримаске промелькнуло что-то рыбье. – А то! Мы с папкой два раза в неделю в бассейн ходим, тренируемся! Тебя как зовут?

– Андрей.

– А фамилия?

– Вот дотошный! Яковлев моя фамилия. Доволен? Отлично! Приятно познакомиться. – Детскую ладошку сжимает красивая загорелая рука. – Значит, тебе надо еще усерднее заниматься в бассейне. Чтобы не тонуть.

– Я тонул. – Мальчик понизил голос, и я, любопытная, придвинулась поближе. Дитрих, пользуясь моментом, тоже подался вперед, как бы невзначай прижимаясь к моему бедру. – Но не потому, что плаваю плохо, понимаешь? Просто в море, глубоко, на самом дне, живет водяной. И вот он – мамочка так говорит – всегда наказывает непослушных мальчиков. Знаешь, я сколько вчера мороженого у мамы в Эфесе выпросил? Две порции! А потом нашел пять долларов – они на земле лежали, и никто их не видел! – и третий рожок купил. Что потом было, когда меня застукали! Ругали, кричали. Правда, потом я исправился, и меня даже похвалили. Но все равно водяной – он всю правду знает. Он меня хотел на самое дно моря утащить, понимаешь?

Я снова начинаю мысленно ворчать. Ну и родители, тоже мне, Макаренко выискали! Наговорят ребенку всякой фигни, а он потом, чуть что, – и лапки сложил, никаких усилий не прикладывает. Действительно, какая борьба, когда три порции мороженого слопано. Только и остается, что принять наказание от всезнающего водяного.

– Вот! А я вам что говорил! Они пришли за мной! – вопит Егор и быстро прячется за взрослых – маму и Андрея.

Из моря выходят дайверы – с аквалангами, в темно-синих костюмах.

– Зачем Эгейское море дайвинг, когда Красное море – хорошо?! – недоуменно бормочет над моим ухом Дитрих. – Я с ними сегодня говорить. Они мне сказать, что после кризиса много пить. А потом решить ехать в Египет, потому что раньше мало отдыхать, только работать. Но приехать в Турция! Они быть в агентстве так пьян, что перепутать, где есть Красное море! И думать: Кушадасы есть Хургада!

Еще парочка алкашей...

Все понятно: мальчик увидел в воде целый комплект, скорее всего, не шибко трезвых «водяных». Перепугался и чуть не утонул.

– Егор, ты что, не узнал нас? Мы же Сергей, за завтраком знакомились. Я – Сергей-Толстый. Он – Сергей-Лысый. Слушай, а почему такой аншлаг возле тебя? Что за шум, а драки нет?

– Кажется, все самое интересное мы пропустили! Егор, да хватит тебе за мамой тихариться. Она у тебя худенькая, совсем ненадежное укрытие. И потом, ты же уже взрослый парень. Все, выходи, Леопольд!

Я смотрю на перебивающих друг друга дайверов, и мне кажется, что обоих Сергеев запросто можно назвать толстыми – талии у них нет, зато есть конкретные пивные животики, двойные подбородки. Хотя парни еще молодые, им лет по тридцать. Похоже, они даже сражаются с лишним весом – крепкие фигуры с развитыми бугристыми от мышц плечами свидетельствуют о знакомстве с тренажерным залом. Только вес, да еще при поддержке гастрономических соблазнов, триумфально побеждает в этой нелегкой борьбе. Мне лично, кстати, с обменом веществ повезло: ни целлюлита, ни лишних килограммов, как у этих ребят. Но они, чувствуется, особо не комплексуют по поводу излишнего объема. И придумали для окружающих неплохой способ облегчить коммуникацию. Действительно, если обоих звать Сергеем или толстячками, то можно запутаться. А один из комплекта Сергеев и правда не только толстый, но и лысый. Самокритичные они ребята. И не обидчивые, с чувством юмора.

Мужчины снимают баллоны, а мама Егора, обняв сына, коротко рассказывает о произошедшем. От невольных воспоминаний о пережитом ее голос до сих пор иногда дрожит.

– Счастливое спасение утопающего надо отметить. – Сергей-Лысый махнул рукой в сторону бара. – Не знаете, вон под тем навесиком наливают или там только безалкогольные напитки, а за чем-нибудь покрепче надо в холл главного корпуса идти?

– Наливают, как надо, – равнодушно кивнул Андрей, и брызги с темных волос разлетелись по сторонам. – Но я в такое время – специалист по минералке и яблочному чаю. Кстати, уже хорошо так солнце припекает, градусов тридцать есть. Правда? А с утра казалось – погоды не будет.

– Действительно, Андрей, может, пройдем в бар, посидим? – Мама Егора все не отпускает сына, обнимает его. И не видит, как белобрысый хулиган, уже полностью забывший о произошедшем, гримасничает, делает вид, что мамуля его придушила. – Мы так вам признательны!

Андрей покачал головой:

– Нет, Таня, извините, теперь я пас. Но мы с женой с удовольствием вам составим компанию вечером.

Сложно не проводить глазами его удаляющуюся фигуру. Он хорошо сложен, подтянут, движения порывистые, как у мальчишки. Морской ветерок треплет густые темные волосы. Солнце его любит – подарило очень красивый оттенок загара, шоколадный, без пылающей красноты. Да, пожалуй, не только герой, но и красавец. Таких обычно в рекламе снимают – с выразительными глазами, чуть небритых, с растрепанной темной челкой...

– Руссо-туристо! Ну а мы что застыли?! Пойдемте, вмажем по сто граммов. Виски здесь ничего такое! – Сергей-Толстый, окончательно освободившись от дайверского костюма, звонко хлопнул себя по арбузу живота. – Пойдемте, а то сгорим тут на солнцепеке!

Только теперь я замечаю двух девиц, блондинку и брюнетку, оценивающе разглядывающих «комплект» Сергеев. И они, похоже, тоже россиянки – брюнетка томно обмахивается глянцевым журналом на русском языке.

Ребята мигом подхватывают флюиды их интереса:

– Девочки, не стоим, идем с нами. Будем выпивать! За спасение Егора, потом за знакомство!

– Да, мы по вискарику, вы по шампусику или по коктейльчику, кто на что учился! Вперед! Не дадим себе засохнуть, как говорится.

Девицы благосклонно хлопают какими-то подозрительными, излишне длинными, ресницами. Пока, судя по пресноватому выражению хорошеньких девичьих мордашек, интерес к парням в симпатию не перерос.

Меня не удивляет, что мама Егора, Татьяна, предлагает мне присоединиться к их компании – она принимает меня за ровесницу и думает, что со мной, наверное, проще найти общий язык, чем с худосочными, хищно сверкающими умело подведенными глазами девицами-пираньями.

Но почему я покорно двигаюсь вместе со всеми в направлении бара? Что мне до этих незнакомых молодых людей? Странно, я всегда была уверена, что являюсь кошкой, которая гуляет сама по себе, что одиночество нисколько не напрягает, наоборот, оно даже комфортно, как разношенные джинсы. Старею? А может, на отдыхе и правда возникает особая потребность в компании? Надо же с кем-то обсуждать отель, достопримечательности, температуру морской водички и мощность солнечной лампы.

Верной собакой рядом семенит Дитрих. Пожалуй, мне это даже начинает нравиться – он незаметно сгонял к нашим шезлонгам, прихватил мою шикарную белую шляпу с широкими полями и бело-голубое парео, отлично сочетающееся с бирюзовым купальником, расшитым серебряной нитью. Что ж, галантный симпатичный поклонник – это всегда приятно. Даже если по возрасту он ближе к сыну, чем к мужу...

Эфес, I век н. э.

Сначала она испугалась, даже задохнулась от страха – так много непривычных звуков вдруг оказалось в новом дне.

За окном шипит море, истошно зазывают к себе торговцы полбяными лепешками и подогретым вином, стучат по вымощенной камнем дороге лошадиные копыта, бряцает оружие, перекрикивают друг друга всадники...

Спросонья Теренция не сомневалась: императорские наследники, сошедшие с ума от власти и безнаказанности, опасаящиеся заговора даже больше, чем пожара, добрались до нее. И вот-вот перережут острым ножом незащитное нежное горло. Но в следующий же миг она вспомнила события вчерашнего дня и счастливо рассмеялась.

Нечего и некого здесь бояться, радоваться надо! Это ведь была первая ночь, проведенная за долгие годы не в камерке лупанария! Публичный дом расположен напротив библиотеки Цельсия, там относительно тихо. Здесь, на постоялом дворе близ порта, по утрам оживленно и шумно. Впрочем, гостиница – это ведь ненадолго, только до той поры, пока Марк Луций не подберет уютный домик. После вчерашнего разговора сенатор просто не смог оставить, как он выразился, «свою любимую богиню» в лупанарии. Рассчитался сполна с хозяйкой, проводил в просторную светлую комнату на постоялом дворе, обещал на следующий же вечер прийти в гости, оставил тугой мешочек с сестерциями...

Вот оно, счастье! Свершилось! Постоянный любовник, нежадный, красивый, страстный и умный!

Теренция, сладко потянувшись, перевернулась со спины на живот, с головой закуталась в одеяло. Прекрасно начинается новая жизнь! Можно делать все, что только душа пожелает: пойти в термы, пробежаться по лучшим лавкам на улице Куретов, принести жертву богам, неизменно благосклонным и милостивым!

– Доброе утро! Как спалось? Госпожа уже желает умываться и завтракать? Или вы еще будете поживать?

Теренция снова вздрогнула от неожиданности. И, резко сев на постели, опять широко улыбнулась. Ведь это же Петра, подаренная накануне Марком Луцием Сципионом рабыня! Подумать только, еще вчера надо было заниматься любовью с каждым мужчиной, который этого пожелает, а сегодня уже можно распоряжаться собственной рабыней! Как быстро все изменилось. И это ведь еще только начало!

Девушка внимательно рассмотрела служанку, стоящую подле ложа. За светлой туникой явно угадывается гибкая стройная фигура, а вот лицо... лицо в синеватых щербинках, и это очень, очень хорошо, просто отлично, значит, поразить красотой Марка Луция рабыня не сможет. Не надо, чтобы возле сенатора вились красивые девушки. Пусть не отвлекается от главного. Сначала он должен нанять домик, потом купить красивую мебель, украшения и одежду...

– Давай займись волосами. – Теренция встала с ложа, присела на невысокий стульчик подле окна. И у нее невольно вырвалось: – Как здорово, что здесь есть такие плотные ставни! В лупанарии я ужасно мерзла!

– Где?! – от изумления Петра уронила гребень, гулко ударившийся о каменный пол. – Я, наверное, ослышалась?

– Нет. Нет! Ты все расслышала правильно. Еще вчера я была гетерой в публичном доме. Ты что, думаешь, я стыжусь этого? Жалею, что меня продали именно туда? Ни одной минуты не сожалела, никогда, ни прежде, ни сейчас. Знаешь, мне нравится любить мужчин. А тебе нравится? Расскажи своей госпоже все-все, будь откровенной, у тебя есть любовник? Или ты еще не извела мужских ласк? Не знаешь, но хочешь, правда?

Теренция, чуть отклонившись назад, с любопытством изучала некрасивое, становящееся все более и более пунцовым личико.

– Извините меня, – прошептала Петра, смущенно отводя взгляд. – Просто вы так красивы. Я смотрела на ваше лицо, когда вы спали, и думала, как милостив бог к вам. У вас черты чистые, безгрешные, невинные. Простите, вообще зря я об этом заговорила.

– Боги? Или бог, только один? Значит, вот как... Неужели и ты христианка? – Она, гримасничая, поджала губы, втянула щеки, воздела к потолку глаза и шутливо перекрестилась. – Все правильно, так вы это делаете?! Что-то слишком много вас развелось, какого раба ни возьми – окажется христианин. А по мне, так ваш бог – какой-то занудный. У нас одна девушка с христианами подружилась. Уходила далеко за городские стены, к морю, на собрания ваши. Потом стала худеть и чахнуть, у нее испортился характер, мужчины начали на нее жаловаться. Она все время плакала и просила матрону ее отпустить. Никто никуда бедняжку не отпустил, конечно. Потом девушка от тоски померла, а зачем? Какой в этом смысл? Неужели печали и смерть нужны вашему богу? Нужны, выходит, иначе он не допустил бы такого. А ведь та гетера могла бы любить мужчин, как она это делала до ваших глупых запрещенных соборщ, радоваться деньгам, ходить в термы. Но самое главное – она бы жила, любила...

– То не настоящая жизнь, не истинная любовь, – твердо сказала Петра, аккуратно расчесывая длинные вьющиеся рыже-золотые пряди.

Теренция собиралась выпалить: рабыне только и остается, что своему богу молиться. С таким-то лицом щербатым какие еще радости в жизни, не любовь же! А от того, что не имеешь, отказаться ведь проще простого.

Но все-таки она сдержалась, прикусила язык. Должно быть, девушке и так несладко приходится. Ведь явно же смотрелась украдкой в полированное хозяйское медное зеркало, видела, как некрасива ее кожа, переживала, да и сейчас, конечно, страдает. Какая женщина с таким смирится!

– Завтракать мне совсем не хочется. Ой, не надо, что же ты делаешь?! – Увидев, как рабыня потянулась к склянке с румянами, Теренция протестующе подняла руку: – Какие румяна, зачем белила?! Мы же в термы сейчас пойдем. После судаториума²² все равно лицо «поплывет». Лучше я потом нарумянюсь, ближе к обеду.

Выйдя на улицу, она первым делом направилась в соседнюю лавку, где накупила всякой всячины: полотенец, ароматного масла, скребниц для удаления грязи с тела. Нагрузив покупками Петру, Теренция довольно прищурилась. В принципе, все необходимое для того, чтобы как следует помыться, можно было бы совершенно спокойно приобрести непосредственно в термах. Но разве тогда, глядя со стороны на двух молоденьких девушек, прохожие бы поняли, что это госпожа, идущая в баню, и послушно несущая ее полотенца рабыня?

– Как я люблю термы! – воскликнула чуть запыхавшаяся от быстрой ходьбы Петра. – Зимой можно наслаждаться калидарием²³ и лакоником²⁴. Летом одно удовольствие находиться во фригидарии²⁵, там прохладно. Мне нравится, что прямо из терм можно выйти в тенистый сад, где иногда играют в мяч. Правда же, хорошо понаблюдать за игрой? Или просто подумать о чем-нибудь, сидя на скамье у фонтана...

«Да уж, похоже, ты часто навевалась в термы. А с кем ты могла их посещать? Конечно, с Лепидой. Вряд ли жена Марка Луция использовала тебя для своих утех, ты вызывающе некрасива. Скорее она жалела тебя? Да, была добра, и ты ее полюбила, и обязательно

²² Зал для потения.

²³ Аналог современных турецких бань, помещение с горячим паром и теплыми ваннами.

²⁴ Самое жаркое помещение в термах, которым пользовались преимущественно больные, с открытым горящим огнем.

²⁵ Зал для охлаждения.

расскажешь ей все – про меня, нашу с Марком Луцием жаркую страсть, про дом, который он наймет для меня, – с опаской думала Теренция, искоса наблюдая за беззаботно щебечущей рабыней. – Или эта девушка проста, бесхитростна, не коварна? Впрочем, надо будет посоветоваться со Сципионом. Если он собирается дарить мне еще рабов из числа тех, кто трудится в его доме, это может плохо закончиться. Возможно, Лепида и глупа, но не настолько, чтобы смиренно наблюдать, как ее муж сближается с другой женщиной...»

Чем ближе становились термы, тем быстрее шагали Теренция с Петрой. Подгоняемые предвкушением долгого удовольствия, они, увидев резные белоснежные колонны, одновременно радостно воскликнули:

– Наконец-то!

И, переглянувшись, расхохотались, привлекая внимание своей юной беззаботной веселостью.

Осознав, что почти все мужчины, прохаживающиеся на площади перед термами, пожирают глазами две стройные фигурки в ярких палах, Петра смущенно опустила глаза. Теренция, наоборот, распрямила плечи, подняла подбородок и, горделиво поглядывая по сторонам, важно прошествовала к входу для женщин. На пару мгновений замешкавшись (надо было отыскать несколько самых мелких монеток, а они где-то запропалились), она юркнула в просторный, заставленный скамьями аподитериум²⁶. И, приложив ухо к стене – так и есть, отлично слышно, как мужчины переговариваются, – замерла.

– Давайте я помогу вам раздеться, – удивленно-неуверенным тоном предложила Петра, мигом уже успевшая не только снять палу, но и выскользнуть из туники. – Вы хорошо себя чувствуете?

Теренция невольно окинула оценивающим взглядом фигуру рабыни – без бедной одежды девушка хороша, как богиня, с упругой грудью, тонкой талией, длинными ногами. Похоже, точно такая же фигура была у Корнелии, гибкая, подтянутая. Та гетера казалась ленивой, неторопливой, весьма старательной. Никто не мог бы догадаться, что она думает о ком-либо, кроме возлежащего на ложе в атрии мужчины, которого надо как следует развлечь, повеселить, раззадорить бросать сестерции горстями. Только зеленые глаза иногда вспыхивали лихорадочно-умоляющим светом и белоснежные зубы мечтательно прикусывали пухлую сочную губку...

Теренция смотрела на замершую Петру – и видела Корнелию. Как та, умащенная ароматными маслами, красиво причесанная, в одной лишь полупрозрачной накидке, завязанной узлом над полной грудью, вдруг появилась в комнате. И сразу же случились ее страстный бессвязный шепот, прерывистое дыхание, нежные умелые пальцы, жаркие влажные губы. Вспыхнувший и разгорающийся интерес. В конце концов, почему бы не узнать, что чувствуют мужчины, проводя языком по коже вокруг соска, скользя по животу и еще там, ниже...

Заниматься любовью с Корнелией оказалось очень приятно. Ее пьянящие поцелуи полнотой размягчили тело, сожгли вспыхивающие искрящиеся звезды, смыли, как внезапный свежий ливень, все мысли. И остались только обволакивающая нежная расслабленность и нескончаемые теплые волны, стремительные, крутые, восхитительные. Благодарная, растерянная, Теренция пыталась что-то сказать, но не находила слов – так необычна, совершенна и божественна была любовь, которую открыла ей Корнелия. И вот в тот миг, когда на ресницах дрожат слезы, и хочется навечно впитать прекрасный чужой запах собственной кожей, и невозможно не обнимать подарившее столько счастья тело, в темной комнате вдруг раздалось:

²⁶ Раздевалка.

– Теренция, а как тебе удастся так надолго сохранять хну на ногтях? Девчонки уже давно заметили: мы покрываем ногти в один день, но наши быстро светлеют, а твои остаются красными!

Потом Корнелия переключилась на прически, затем на ткани для туники. Теренции стало стыдно и горько за свою восторженную нежность. Может, мужчины не дают столько сладкого изысканного удовольствия. Зато они не хихикают, не говорят глупостей, не пере-скакивают в беседе безо всякой логики то на одно, то на второе, то на третье!

Корнелия молола всякую чушь, Теренция, отстранившись якобы по причине жары, лежала рядом и прикидывала: вот было бы хорошо, если бы боги давали возможность выбирать себе тело – или мужское, или женское. Может, тогда стоило бы попробовать родиться мальчиком?.. В этом случае пришлось бы преимущественно иметь дело с парнями. Отлично: заниматься философией, выступать в суде, разбирать свитки со стихами. Только вот большинство мужчин, как ни крути, спят с женщинами. И если все женщины, как правило, похожи на Корнелию – тогда, выходит, нет страшнее кары, чем мужское тело и любовь к красавицам. Девушки же, после того как все закончится, начинают разговаривать, ни на миг не умолкают – и это то еще испытание! Если бы они только задумались о том, как быстро может неосторожное ненужное слово затушить пожар счастья!

– Вы... так смотрите на меня. Извините, – лепетала тем временем Петра, прикрывая скрещенными руками грудь, – должно быть, я слишком быстро осталась без одежд, а вы еще не раздеты.

Накручивая на палец выбившийся из прически ярко-рыжий локон, Теренция осмотрелась по сторонам. В аподитериуме, кроме них, находится только одна женщина, которая заняла для своих вещей скамью в дальнем углу. Судя по тому, что она раздевается сама, без рабынь, – невелика птица, зачем ради такой стараться, впечатление производить. Запросто можно обойтись без разыгрывания пьесы «рабыня помогает снять платье своей любимой госпоже». К тому же без посторонней помощи стаскивать тунику, честно говоря, намного удобнее. К рабыням, оказывается, тоже надо привыкнуть!

Она махнула рукой:

– Иди скорее, я же вижу, тебе не терпится быстрее насладиться жаром. Я сама разденусь и скоро присоединюсь к тебе. Иди, позволяю!

Петра и та незнакомая женщина скрылись за дверью, ведущей в парную, одновременно.

Теперь можно присесть на корточки, приложить ухо к стене и спокойно, без лишних свидетелей...

– Будь доволен тем, что в руках имеешь,
Ни на что не льстись и улыбкой мудрой
Умеряй беду. Ведь не может счастье
Быть совершенным.²⁷

– Один ты как будто бы знаешь Горация. Да он у всех на устах! Я тотчас же тебе отвечу! Сейчас, сейчас... О, вспомнил!

Что будет завтра, бойся разгадывать
И каждый день, судьбой нам посланный,
Считай за благо...²⁸

²⁷ Гораций, «Оды», перевод А. Семенова Тянь-Шанского.

²⁸ Гораций, «Оды», перевод С. Шервинского.

– Будь доволен тем, что на руках имеешь... И каждый день, судьбой нам посланный, считай за благо, – повторила Теренция, поднимаясь с колен. – Какие прекрасные мудрые слова!

Мужчины, переговаривавшиеся за стеной, явно ушли в парные или массажные комнаты. В их раздевалке воцарилась тишина, подслушивать больше было решительно нечего и нечего.

«Как же я люблю вот так тайком узнавать, о чем разговаривают незнакомцы, – прежде чем раздеться, она решила снять золотой венок-ободок, придерживающий волосы. Красивый, но с острыми листочками, за которые цепляется туника, поэтому с ним надо обходиться осторожно. – Мужчины обсуждают политику, поэзию, философию. Так, в термах, я узнала о том, что произошло в Риме с Валерией Мессалиной. А еще как-то велась речь о стоиках и гедонизме. Мне так интересны все эти неторопливые разговоры! Может, это зов крови и моего рода? Иногда я думаю: прекрасно было бы оказаться в императорском дворце. Это меня, а не чудовище Нерона следовало воспитывать Сенеке. Но... Гораций все-таки мудр. Советует: ни на что не лстись. Возможно, я действительно была бы счастлива во дворце. Однако это вряд ли могло продлиться долго, я слишком прямолинейна и не очень-то искусна в интригах и заговорах. Зато теперь у меня скоро будет свой дом и есть Марк Луций Сципион, с которым не только приятно проводить время на ложе, но и разговаривать...»

В соседней раздевалке вновь скрипнула дверь, и Теренция, забыв про тунику, термы и все на свете, снова бросилась к стене.

– Хлеба и зрелищ – такова воля плебса, самое заветное желание людей простых, недалеких и необразованных. Но что же сегодня нам предлагается в качестве таких зрелищ? Театр, гонки на колесницах и гладиаторские игры. Кто не видел, как толпами из театра валит народ на трибуны гладиаторской арены?! Комедии больше не интересуют, плебсу нужны трагедии, причем не придуманные, а настоящие. Так лавина сходит со склонов гор, как толпа бежит увидеть борьбу, кровь, смерть. И это горячит: чувствовать пульсирующие секунды, разделяющие жизнь и смерть, и понимать, что бытие человека, яркое, многообразное, отныне находится в полной безоговорочной воле трибун.

– Не буду спорить, успех гладиаторских боев затмевает все. Стоит лишь политику устроить такие игры – и поддержка народа, и огромная любовь, и популярность ему обеспечены. Варварские обычаи, варварские страсти....

Заслушавшись, Теренция даже шлепнулась на пол: затекшие ноги вдруг ослабели, а потом их закололи сотни иголок боли.

Мужчины обсуждали гладиаторов и гладиаторские игры так возбужденно, что ей стало любопытно взглянуть на действо, вызывающее столь острую критику, своими собственными глазами. И, судя по разговору неизвестных посетителей терм, именно сегодня такая возможность предоставляется всем желающим: пополудни игры будут торжественно открыты в большом амфитеатре, где одновременно помещаются десятки тысяч зрителей...

Кушадасы, май 2009 года

– Лера, ты которого берешь? Толстого или Лысого?

– Ой, я даже не знаю. Мне вообще-то Рияд нравится, фотограф из отеля. Видела его? Такой симпатичный! Но он, похоже, не хочет ничего. Помнишь, ты вчера в сауну пошла? А я шорты свои любимые надела и убежала к павильончику турка. Круги там наяривала, спортсменкой притворялась. Думала, познакомлюсь с ним, как бы между прочим, естественно.

– Ага, шортики у тебя прикольные. Половина попы из них торчит. И стразики на кармашках, ничего очень даже, симпатично.

– Пасиб! Ну вот, я дефилирую. Модель в натуре, спортсменка, комсомолка, красавица: туда-сюда, сюда-туда. Ноль реакции, ни малейшей эрекции. Так, посмотрел, вежливо улыбнулся. В плане свидания – никакого интереса. Наверное, он на какую-нибудь другую девочку глаз положил. Свет, а тебе-то самой какой из Сергеев нравится? Лысенький или волосатик?

Я снисходительно прислушиваюсь к приглушенному девичьему трепу, раздающемуся за спиной. Ситуация проясняется: блондинку зовут Лерой, темноволосая барышня – Света. А я – брюзга. В конце концов, не такие уж девочки и пираньи. Они ищут любовь, обсуждают внешность, а не кошелек. Здесь ведь – я невольно оглядываюсь по сторонам и словно бы впервые вижу окружающую красоту – действительно так прелестно! Над волнистыми, кое-где поросшими соснами невысокими горами натянут яркий тент неба. Голубейшее, без малейшего оттенка зелени море расслабляет теплым, едва слышно шуршащим прибоем. Светлый песочек, чистый большой пляж – что еще надо для того, чтобы день удался! Не менее прекрасны тут вечера. Вспыхивают желтые ожерелья лампочек на пальмах, столики в ресторане освещают трепещущие огоньки свечей, и луна любит себя в бирюзовой глади бассейна. Теплая ночь обнимает за плечи, свежий ветерок хулиганит с легким разлетающимся платьем, отвлекаясь лишь для того, чтобы расплескать в коридорах отеля бодрящие ароматы кофе с кардамоном и сладкого свежего лукума... Удержаться от курортного романа в этом раю? Нереально! Девчонкам, должно быть, любовь кажется важнее воздуха. Елки-палки, где мои двадцать пять лет!

Двадцать пять – самый лучший женский возраст: уже есть опыт, еще нет морщин, и жизнь настолько вкусна, что хочется объедаться всеми ее проявлениями. Ни отрывки, ни изжоги. Что бы ни произошло – все мгновенно усваивается, перерабатывается и исчезает. В эти годы на лице не остается отпечатка страданий. И самих страданий, по сути, не бывает – душевные раны заживают как на собаке, проблемы отскакивают от сердца, словно ударившиеся в стену теннисные мячики.

Я толкаю тоже явно подслушивающего Дитриха в бок, заговорщицки подмигиваю его вопросительному взгляду. Ты видишь? Ты все понял? Девочкам нужна любовь! Обрати на них внимание, выбирай любую, обе хороши. Ну, какая из нас с тобой пара – рыжие, голубоглазые, худощавые, мы как брат с сестрой. У меня дома остался любимый муж. Не трать свое время напрасно, лови момент, симпатичная немчура.

Дитрих – идиот! Он отрицательно качает головой, ласкает меня откровенным взглядом, а потом прижимает руку к сердцу.

Что ж, хозяин – барин. Если ему так нравится носить за мной шляпку с парео – ради бога, всегда пожалуйста. Но...

Но...

Ничего не понимаю! Как испарился! Нет, я серьезно: где мой кавалер-очкарик?!

Он явно куда-то стремительно смылся, даже чуть оттолкнул идущих рядом девушек – я услышала, как они недоуменно, словно щенки, взвизгнули.

– Тебя Наташей зовут, да? И мне приятно познакомиться, приветики. Ничего себе – есть мужик, и вот уже нет мужика. Шустрячок такой! Надо тебе за ним бежать. – Лера, озабоченно наморщив лобик, отбросила с глаз длинные светлые пряди. – Беги, лови, а то тут с мужским полом напряженка.

Жаль, у Леры, как выясняется после общения, некрасивый ротик. Наверное, она пыталась придать губкам модной нынче пухлости, но у хирурга или косметолога (не очень-то я знаю, кто такими операциями занимается) руки росли из задницы. Верхняя губа девушки, несимметричная, абсолютно неподвижна. В глаза бросается неоднородность ее структуры, какие-то неровные бугорки, пупырышки. Как будто бы пару вишневых косточек под кожу загнали! Когда Лера говорит, кажется, что у нее рот словно кашей набит. Убила бы таких специалистов! Или сначала тех придурков, которые сформировали нынешние патологические, абсолютно неэстетичные тенденции?! Телевизор включишь – просто оторопь берет, эти губищи на пол-лица, парализованная ботоксом мимика; силиконовая грудь, как воздушные шарик, смешно вываливается из блузки. Ну и мода, с ума сойти можно! Делать из своих лица и тела карикатуру на нормальную внешность, да еще и деньги за это платить такие огромные! Понятно, почему турок остался равнодушным к чарам блондиночки. Наверное, разглядел ее рот как следует и решил, что не надо ему такого счастья.

Света, кивая головой, выражает полную солидарность с подругой:

– Точно, холодный здесь мужик какой-то. Мы уже два вечера на дискотеки ходим – хоть бы кто-нибудь прицепился. Так что держись за своего немчика. А мы, наверное, будем тех Сергеев брать – больше-то холостых-одиноких вроде не видно.

В ее зеленых глазах – такая искренняя грусть, что еще немного, и я стану сводницей. Предложу ей своего бегуна Дитриха. От такой, черноволосой, с изумрудным взглядом, наверное, далеко не убежишь. Света похожа на грустную ведьму. Может, она даже знает какое-нибудь привораживающее мужчин заклинание?

– Он там, за пальмой, – пропищал вдруг появившийся рядом Егор.

Всегда подозревала: дети видят и понимают куда больше, чем думают взрослые.

Мальчик продолжает сдавать немца со всеми потрохами:

– А Дитрих всегда прячется, когда Ванессу видит. Он и за ужином вчера прятался. Под стол залез! Вот это дядька!

Егор восхищенно потирает маленькие ладошки, а Лера со Светой недоуменно переглядываются.

– Вроде читала про Ванессу Паради. Наверное, та, что с Джонни Деппом? Или они уже все, прошла любовь, завяла морковь?

– И еще есть другая, со скрипочкой. Мей или Май – точно не помню ее фамилию.

Браво, браво – примитивные знания о кинематографе и музыке наличествует. Интересно, кстати, где эти девчонки работают? Судя по купальникам, зарабатывают неплохо – они у них люксовых марок, очень красивые, хотя, на мой вкус, излишне ярковаты. Не нравятся мне, даже со скидкой на молодость девочек, оттенки бешеной фуксии и обкурившегося кислотного баклажана. Свете бы подошел изысканно-винный, бордовый. Блондинка Лера, возможно, была бы хороша в графитово-жемчужном. У нее светло-серые глаза, и более темный, насыщенный, с легким перламутром оттенок купальника придавал бы им выразительности.

А ива на берегу присела —
Пописать.
И в голову ко мне несмело
Залезли мысли...
Холмики моих грудей

Как яичница-глазунья.
Дитрих, съешь меня!
Я – твоя певунья!

У меня в голове взрывается комета. Кажется, я даже начинаю видеть ее обугленные обломки, медленно парящие в воздухе. Мне даже не смешно – противно.

Писающие ивы.

Грудь-яичницы.

Как-то это излишне концептуально даже для моего абсолютно не филологического сознания.

Особа, низким голосом продекламировавшая *это* (я столько не выпью, чтобы называть посвященный немцу рифмованный бред стихами), выглядит, как ни странно, очень аристократично. Натуральная блондинка, правильные классические черты лица, высокий рост и хорошая фигура – такие женщины играют в исторических фильмах величественных, манерных королей, которые в длинном атласе платьев нервно комкают кружевные платочки и высокохудожественно падают в обморок. Она одета с идеальным вкусом – легкий льняной костюм тепло-бежевого оттенка отлично сидит, придает лицу свежести. Босоножки на невысоком каблукке, оригинальная бижутерия из светлой кожи и дерева, даже лак на ногтях – все подобрано грамотно, тон в тон, хоть сейчас на съемки для каталога. Почему-то ее лицо мне кажется смутно знакомым. Неужели мы встречались с этой идиоткой?! Думаю, я бы такое явление запомнила. Хотя... у нее, пожалуй, просто обычная славянская внешность. Сколько таких, светловолосых и голубоглазых, ежедневно смотрит на нас в магазинах или вагонах метро? Со счета собьешься! У стихоплетки приятное лицо. Но это ее творчество – оно же как кувалдой по голове. У меня есть приятель, судебный психиатр Виктор Новиков. Думаю, он бы заинтересовался подобными экзерсисами. Нравится ему изучать дневниковые записи параноиков.

– Эй, девчонки, вы идете? – Сергей-Лысый махнул рукой. – Давайте быстрее, и вон за тот свободный столик!

Быстро мчусь в бар. Подальше от красивой ненормальной тетеньки. Еще одного стихотворного откровения мне не вынести!

Я долетаю до столиков, где гогочущие бургеры, прихлебывая пиво, в режиме нон-стоп поглощают картошку-фри и пахнущие жареным мясом гамбургеры. И замираю как вкопанная.

На скамеечке, расположенной в тени пальмы, сбоку от столов, с пластиковым стаканчиком в руке сидит... Егор. Такое ощущение, что ребенок вдруг увеличился в размерах, приобрел развитые мышцы, нацепил синие плавки. Завел светло-рыжие волосы на груди, продольную короткую морщинку во лбу, неприкуренную сигарету за ухом. И присел вот сюда, на скамью, пофлиртовать с симпатичной брюнеточкой.

– Саша! – В голосе Тани задрожали слезы. – Где тебя носит?! Твой Егор чуть не утонул, между прочим!

Горе-папаша мигом вскочил, бросился к ребенку, принявшему в предвкушении рассказа о недавних бедах чрезвычайно важный вид.

– Сына! Сыночка! С тобой все в порядке? Что же ты хулиганишь, балбес! – И тискает, обнимает, целует своего отпрыска. – Балбесина моя! Ну и дятел ты, Егор! Хулиган!

– Это еще вопрос, кто хулиганит! – пробормотала над моим ухом Лера, затягивая на талии узел из кончиков прозрачно-малинового парео. – Видела ту девушку рядом с ним? Такая красотка, Вероникой ее зовут. И сиськи у нее свои, не силиконовые, я специально смотрела, как она на шезлонг ложится. Чуток сплоснулась грудь, слегка растеклась – значит, родная, своя. Протез – чего ему растекаться, он всегда торчком стоит... И, представляешь, эта мадам

ведь – жена Андрея. Ну, того, который Егора из моря вытащил! Я еще вчера за ужином, между прочим, заметила. Она глазами так на Таниного мужа Сашку и зыркает. Нормально, да?! У самой мужик такой красивый имеется. А она еще на чужих облизывается. Почему так всегда? Одним – все, другим – ничего!

Мне жаль, что собеседница Саши незаметно улизнала. У нее действительно очень экзотичная и стильная внешность. Жгучая брюнетка, должно быть, с восточной кровью, она останавливает время своими персидскими глазами. Миндалевидные, карие, завораживающие...

Неудивительно, что Танечка стоит вся бледная от ревности. Мама Егора тоже темно-волосая и кареглазая, но ее лицо стирается из памяти, даже когда от него еще не отводишь взгляд...

Эфес, I век н. э.

Добравшись наконец до судаториума, разглядев Петру, блаженствующую в облаках обжигающего пара, Теренция с негодованием прищурилась:

– Как щиплет глаза от масла! Потом будут красные, словно у кролика! Слушай, Петра, ты не знаешь, женщин пускают смотреть выступления гладиаторов?

Рабыня кивнула:

– Да. Только сидеть нам приходится на самой верхней трибуне. Вроде бы считается, что оттуда истекающие кровью люди выглядят не так жутко. Будь моя воля – я вообще запретила бы эти битвы и все гладиаторские школы. Жизнь человеческая Богом дана, и только Господь может ее забрать, а там, во время игр, люди один другого уничтожают. Грех, грешно. Человек должен возлюбить ближнего своего, а не убивать.

– Хватит ворчать. – Теренция напряженно улыбнулась. Все-таки с маслом в парной кто-то здорово переборщил: от острой мяты глаза постоянно слезятся. – Прибереги свои проповеди для кого-нибудь другого. Потому что после терм мы отправимся именно на сражение гладиаторов!

Ни обиженное молчание рабыни, ни собственные опасения (а что, если к обеду будет Марк Луций, придет и не застанет никого на постоялом дворе?) не могли омрачить свежей пенящейся радости. Девушка, позабыв попросить Петру о помощи, быстро помылась, привела себя в порядок и выбежала на улицу.

«Жизнь божественна, – улыбалась Теренция, чувствуя, как после терм лицо все еще горит жаром. – Марк Луций Сципион божественен, я божественна! Свобода, которой я никогда не знала, оказывается, пьянит сильнее неразбавленного вина. У меня столько счастья, так много радости, что я еле иду, едва дышу и все равно не могу отказаться ни от одного соблазна. Интересно, успокоюсь ли я после гладиаторских игр или меня опять потянет на новые приключения? Может, попросить Петру, чтобы после амфитеатра срочно свела меня в гостиницу? Иначе придет Марк Луций – а я не то что нарумяниться не успею, меня вообще не окажется в комнате!»

– Сколько людей! – ахнула Петра и взяла госпожу под руку. – Боюсь, как бы нам не потеряться в толпе!

– Почему же я – не ваш раб?! Я отдал бы жизнь за то, чтобы прикоснуться к такой красавице! Хотя бы таким же невиннейшим образом, как это сделала служанка ваша.

Теренция обернулась на вроде бы знакомый, совсем недавно слышанный голос. Так и есть, лицо пожилого мужчины тоже покраснело. Видимо, это кто-то из тех мужей, недавно тоже посещавших термы и беседовавших в раздевалке. Вот только кто именно сейчас расточает комплименты: любитель Горация или противник гладиаторских игр?

Она покачала головой:

– Нет, брать за руку меня не надо. А скажите, что, неужели непременно сегодня убьют кого-нибудь? Нельзя ли сражаться не до смерти?

Мужчина развел руками:

– Увы, прекрасная незнакомка! Сегодня смерть, как обычно, соберет большой урожай. Более того, перед самими играми в этот раз решено провести *venatio*²⁹ и *damnation ad bestias*. А вы не знали? Воришки и дезертиры, если их приговаривают к казни, тоже попадают на арену. В последние дни было вынесено слишком много приговоров, так что зрелище ожидается кровавое.

²⁹ Травля провинившихся рабов хищными животными и приведение в исполнение приговоров.

При этих словах Теренция почувствовала: тонкие пальцы рабыни, придерживающие ее локоток, нервно сжались. Петра не вымолвила ни слова, но ее большие карие глаза наполнились хрустальными слезами.

«Может, отказаться от этой идеи? – размышляла девушка, продолжая тем не менее следовать за румяным мужчиной, умудрившимся, говоря любезности, еще и прокладывать дорогу в толпе. – Вечно меня заносит неизвестно куда! Я так счастлива! К чему вид чужих страданий, да еще, как выясняется, и мучительной смерти?»

Но потом вдруг все внезапно закончилось – мысли, слова, люди вокруг, серые облака на суровом зимнем небе.

Теренция во все глаза смотрела на красивого юношу, схватившегося за прутья клетки, – и не могла насмотреться. Она сразу же поняла – красота его божественна, ослепительна, невероятна. Такой больше нет и никогда не будет. Это один-единственный, уникальный, потрясающий юноша. Красивых мужчин много, но ни один из них не может произвести такого оглушительного впечатления – до занявшегося дыхания, до замелькавших перед глазами разноцветных кругов, до пьянящего головокружения...

Осторожно, стараясь двигаться как можно медленнее, Теренция разглядывала его светлые, цвета спелой ржи, чуть выющиеся волосы. А какие у него глаза, о боги, глазищи, озера! Огромные, ярко-синие, с длинными темными ресницами, они, наверное, без труда читают душу, как книжный свиток. Полуоткрытые, плавно изогнутые губы чуть треснуты, темнеет запекшаяся ранка в центре рта, подышать бы на нее нежно, коснуться поцелуем – легонько, как перышком.

Бог почти обнажен, только замызганная повязка закреплена на плоском животе, но самая дорогая тога из белоснежной тонкой материи не могла бы украсить его больше. Юноша довольно худощав, тонок, но при этом он так сложен! Гладкая смуглая, почти безволосая кожа кажется вырезанной из мрамора старательным скульптором, выбравшим для своей прекрасной живой статуи идеальные пропорции. Широкие плечи, узкие бедра, тонкие запястья, длинные пальцы, беззащитные ключицы, как хочется потрогать темно-коричневые соски и маленькие крепкие ягодицы, угадывающиеся под тканью. И – о! – не только ягодицы, похоже, материя спереди скрывает тоже невероятную мощную красоту....

А теперь вот – беда.

Горе.

Невыносимая боль.

Пустота, одиночество.

Да что же это такое, в самом-то деле!

Всего-то пожилой мужчина в ярко-алой тоге зашел к юноше. Полностью загородил его своей массивной фигурой, искусно задрапированной.

Похоже, проходит вечность. Или, если разобраться, мгновение – лишь полшага делает идущая рядом Петра. Но как же невыносимо это застывшее клейкое время!

Наконец-то, вот снова он – оказывается, обряжался. Уже в белоснежнейшей тунике, подпоясанной золотой нитью, – еще красивее стал, хотя, казалось бы, прекраснее быть невозможно.

Бога выводят из клетки.

Но зачем... Да, точно, зачем скованы позвякивающей тяжелой цепью его ноги? Мальчик едва может идти. Да еще и этот кретин в алой тоге, урод! Как грубо он подталкивает чудесного юношу в сторону арены...

– Похоже, это первая жертва.

– Жертва? – Теренция изумленно посмотрела на идущего рядом мужчину, словно бы увидела любителя терм впервые. – Какая жертва?

– Я ведь говорил: сначала будут травить львами рабов, потом преступников, и лишь затем – сражения гладиаторов. Впрочем, зачем вам забивать этими деталями свою хорошенькую головку? Когда представление начнется – тогда все и увидите своими собственными глазами.

Какие рабы? Какие львы? Травля какая-то... Нет, он что-то путает, этот человек с досих пор чуть румяным после парной лицом.

«Наверное, юноша – из числа устроителей игр, – уже разместившись на трибуне, убеждала себя девушка. Память напоминала ей то про клетку, то про спутанные ноги молодого человека, а она упрямо крутила головой, отмахиваясь от страшных мыслей, как от назойливых пчел. – Никакой он не раб, не гладиатор. Его облачили в белую праздничную тунику, значит, он просто занят в представлении. Может, выпускает из клетки свирепых животных. Или что-то объявляет...»

– Такой красивый, такой молодой. Ужасно, – прошептала Петра побелевшими губами. Как сквозь туман смотрела Теренция на арену.

Юноша, прекрасный, безоружный, беспомощно стоял в центре, оглядывался по сторонам. Казалось, выпущенному откуда-то сбоку льву, с гладким туловищем и лохматой желтой гривой, он абсолютно безразличен. Скорее животное скалило огромные белые клыки на зрителей. Но лев казался не очень злым – хвост его с округлой кисточкой волочился по пыли, движения были мягкими, полурасслабленными.

Чем больше Теренция смотрела на незащитного мальчика, тем отчетливее понимала все его невыносимо мучительные чувства. Страх – как кусок обжигающего льда, засунутый в грудь. Во рту бедняги запеклась пустыня, соленая, ссохшаяся. Дрожь бьет все тело, но сильнее всего трясет щиколотки, отчего ступни не чувствуют ни колких песчинок, ни камешков, рассыпанных на арене.

Лихорадочный стук сердца, жизнь или смерть – все будет у них теперь пополам, и этого можно бояться. Злой ли это рок или настоящее счастье, все одно, изменить ничего уже не получится, никогда. Вот именно теперь, разделенные людьми, на краю гибельной пропасти, они приближаются друг к другу, соединяются, сливаются в одно общее единое облако чистой любви и мучительной боли...

Внезапно у Теренции хлынули слезы, поэтому она не сразу поняла, отчего вдруг заметался, забегал по арене лев.

– Они дразнят его. Дураки, дураки, – стонала Петра, заламывая руки. – Откуда такая жестокость в людских сердцах!

– Ату его! Ты не лев, ты трусливая кошка! – заорал тот самый мужчина, из терм. – Давай же, растерзай его!

Сначала он нагнулся, пошарил под скамьей, потом взобрался на нее с ногами, как следует размахнулся...

«Камни. Толпа дразнит льва камнями, – пронеслось в голове Теренции. – Что же делать? Ох, уже красна его туника. Ранили, ранили, проклятый лев, как спасти юношу? Вот почему моего мальчика переодели в белое... На белом полотне ярче видна кровь. Хлеба и зрелищ, да?! Как же я вас всех ненавижу, жалкие злые людишки!»

– Пожалуйста, не бросайте камни, не надо! – срывающимся голосом прокричала девушка. Встав на скамью, она замахала руками. – Сюда смотрите, слушайте меня все! Что вы делаете? У него же нет даже меча! Не дразните льва! Давайте попросим, чтобы юношу отпустили! Умоляю! Вы слышите меня?! Слышите?

Раздавшийся со всех сторон хохот парализовал ее, но ненадолго. Выхватив закрепленный на поясе под палой мешочек с деньгами, Теренция засеменила по узкому проходу вдоль скамьи, рассыпая сестерции направо и налево.

– Пожалуйста, пожалейте бедного раба, не надо, вот, возьмите, только не надо злить животное, умоляю!

К ней навстречу тоже стали пробиваться. Чьи-то шальные глаза, жадные потные руки. В образовавшейся давке сначала не стало света, потом воздуха.

«Умру, – задыхаясь, думала Теренция, постанывая от тяжести обрушившихся на нее тел. – Умру и не стану видеть, как он погибает. Но он ведь страдает, бедный, милый. И никто не поможет. Нет, нет!»

Откуда-то взялись невероятные силы, и в тот же миг она выползла из копошащейся, роняющей и снова подбирающей монетки человеческой массы. Рядом вдруг оказалась Петра – стоя на коленях, она что-то шептала, зажав в сложенных ладонях маленький деревянный крестик с простой грубой ниткой.

Теренция прокричала: «Пощадите его!» – однако своего голоса не услышала.

Сначала ей показалось, что она охрипла.

Но потом уши зарезало от каких-то странных раскатов грома.

Или это не гром?

Катятся волны стоны по трибунам. Набирают силы, становятся все громче, мощнее. Даже в животе начинает отдаваться странная лавина...

Толкаться, взбираться на скамью отчего-то не страшно. Там ведь уже стоит Петра, и лицо ее сияет радостью, и, стало быть, самого ужасного не случилось.

И вот...

На арене, подле ног красивого юноши, зажимающего рукой окровавленное плечо, лежал лев.

Бессильно обмякли его лапы, глаза закатились, огромная голова с запыленной, чуть тронутой красным гривой откинута назад.

– Издох-х-х-х...

«Так вот что за стон на трибунах. – Теренция тревожно вглядывалась в удивленные лица людей. А вдруг они сейчас потребуют привести нового льва и опять станут кидать камни? – Зверь околел. Помогла молитва Петры? Наверное, помогла. Иначе и быть не может, я же сама видела, как юноша был на волосок от гибели, а затем чудодейственным образом спасся... Если это сделала она, моя рабыня. То есть нет, если это сотворил он – ее бог, правильный бог, настоящий... Я все сделаю, все отдам Иисусу, только бы жил мой красивый любимый мальчик. Помогите же ему, христианский бог! Лишь бы не погиб, а уцелел...»

Дальнейшие события не то чтобы обрадовали Теренцию. Но и не огорчили очень уж мучительно.

Околевшего льва оттащили в сторону.

Красивого мальчика, еле передвигающего ноги после пережитого, увели.

А потом на арене появились тот самый пожилой мужчина в ярко-красной тоге и молодой стражник с мечом. Секунда – и меч вонзился в спину покорно опустившегося на колени старика. Кровь на алой материи была почти незаметна. Тем ярче выглядело пятно, растекающееся по белому песку.

– Это был дрессировщик животных. – Рядом вдруг снова оказался тот жестокий придурок из терм, бросавший в льва камнями. – Он плохо подготовился к играм. Зверь явно попался больной и недостаточно голодный. Значит, от такого дрессировщика полагается избавиться.

– А что, – Теренция сглотнула подступивший к горлу комок, – что теперь будет с тем юношей, которого ранил лев? Какие правила?

– Сегодня он на арену не выйдет. А дальше – на усмотрение устроителей игр. Думаю, скорее всего, его опять станут травить хищником – и публике будет очень интересно узнать, чем закончится новая схватка...

Кушадасы, май 2009 года

– Я тебя увидеть – и сразу ты мне нравишься. Я знать – у красивых женщин всегда есть муж, бой-френд, любовник. Ты красивая, Наташа. И у тебя есть мужчина. Я – знать. Я – все понимать. Но если твой муж не приезжать теперь к тебе, могу я с тобой дружить? Ужинать, танцевать? Как друзья? Ты мне отвечать сейчас, пожалуйста. Я уже волноваться и начать умирать.

Надо же, как темные турецкие ночи действуют на душевное состояние симпатичного рыжеволосого немца. Смех смехом, но от волнения у него побледнело лицо, и шевелюра встала дыбом. Воинственному рыжему дикобразу срочно требуется любовь! Хотя он и пытается назвать ее дружбой. Но, с другой стороны, в этой жизни нет ничего невозможного. Мне не верится в существование непорочных, платонических отношений между мужчиной и женщиной, но, может, Дитриху удастся меня переубедить.

Я мычу, одобрительно киваю и продолжаю жевать, стараясь совместить несовместимое – побыстрее утолить дикий голод и не выглядеть при этом удавом, заглатывающим кроликов.

Вот про ужинать – да, это Дитрих совершенно правильно сказал! Ужинать, ужинать и еще раз ужинать! И я совершенно не возражаю против компании немца. Моя сила воли сломлена и парализована турецкой кухней, сплошным объедением! Все блюда, которые предлагают в ресторане, – и закуски, и горячее, и десерты – приготовлены именно так, как я люблю. Просто хорошее нежирное мясо, без выпендрежных извращений пожаренное со специями. Ароматный рис, тушеная остренькая фасоль с помидорами. Много сочных свежих овощей, красно-желто-зеленая горка, блестящая от оливкового масла, на салатной тарелке. Сладкие, пропитанные медом бисквиты. Солнечные, светящиеся, с прозрачной кожицей, желтые сливы... В общем, едой заставлен весь стол, за которым мы разместились. Хотя на тарелках всего понемножку, символически. Мы с немцем как-то синхронно, не сговариваясь, решили дегустировать местную кухню постепенно, не всю сразу. Не то что Сергей, Толстый и Лысый, протопали недавно мимо, с джомолунгмами закусок, словно бы в последний раз едят! Глупые, не знают, как тяжело для органов системы пищеварения и даже для сердца такая неконтролируемая обжираловка. Может, как-нибудь улучшить момент и тактично провести с ними воспитательную беседу? Бог с ней, с фигурой. Просто ведь, действительно, умеренность в еде – залог отличного здоровья.

М-м-м, но какая же вкуснятина! Да пусть рядом кто угодно сидит, хоть Дитрих, хоть его авангардная поклонница Ванесса аппетит мне не испортить. Особенно с учетом того, что обед я благополучно проспала. Ну я даю! А ведь выпила в баре всего один стаканчик красного вина. Вот оно, море, солнце, глоток алкоголя – и здравствуй, здоровый сон. Меня разморило так, что я даже не слышала, как звонил телефон. Очнулась только, когда перед ужином немец очень даже неделикатно заколотил в дверь моего номера.

Кажется, Дитриха терзали смутные сомнения, что я не одна. И обед пропустила, так как предавалась разнузданным сексуальным оргиям. Не дожидаясь приглашения войти, он сразу же рванул вперед, устоялся на постель. Обнаружив невиннейшую подушку и целомудренную простыню, не найдя никакого порочного мужчины, расплылся в дурацкой счастливой улыбке: «Извини, наверное, ты хочешь переодеться к ужину...»

Марафет я наводила долго, так как пришлось подутюживать смявшееся в чемодане платье. Завозилась, копуша, и вот результат: мы сидим на открытой террасе, но за самым поганым столиком, непосредственно возле здания ресторана. А ведь так хотелось бы любоваться ночным танцем волн на лунной серебряной дорожке. Однако все места ближе к пляжу, с видом на негромко плещущее море, скованное огоньками близких и далеких горо-

дов, были уже заняты. «Не переживай, – шепнул Дитрих, заметив досаду на моем лице. – Потом мы гулять по берегу. А потом смотреть шоу, если ты хочешь...»

Наконец первый голод утолен. Можно бездумно смотреть на огонек свечи, дрожащий в красивом стеклянном шаре. А потом попытаться украдкой разглядеть и свое отражение в окне ресторана.

О, нет!

Так и есть – памшиновская алая шаль, которую я успела выторговать накануне в магазинчике отеля, выглядит в сочетании с черным атласным платьем, украшенным вставками из полупрозрачной органзы, вульгарно. Естественно: эта вещь, плотная и шерстяная, приобреталась для того, чтобы носить ее с пальто, а не с тонким нарядиком, который я захватила для ужина.

Не подходит шаль к платью по фактуре материалов катастрофически. Хуже выглядел бы только пуховый платок, наброшенный на нежный атлас!

Ну и ладно. В конце концов, не нарядами едиными. Я ведь ни на что не претендую, к тому же у меня имеется перманентно восхищенный любыми моими шмотками поклонник. И чем мерзнуть на открытой террасе и ужинать в спешке – лучше утеплиться не очень подходящей для вечернего туалета шалью. Чай, не в Париже на подиуме!

А начало и окончание туристического сезона, наверное, всегда такие – днем жара, вечером свежо. Где была моя голова, когда я собиралась! Можно ведь было жакет захватить!

– Добрый вечер! Приятного аппетита!

Возле меня остановились Лера и Света (первая – в джинсовом мини, позволяющем любоваться уже чуть загоревшими узкими бедрами, вторая – с декольте, скрывающим разве что соски). Тарелки в руках девчонок были наполнены пирожными, лукумом, желе и пастилой.

Раньше, чем успеваю подумать, порчу девочкам аппетит и пляшу на их любимых мозолях:

– А как же талия? Не боитесь распухнуть? Что, с мужиком напряженка, можно не думать о калориях?!

Они синхронно пожали плечами:

– С нашей работой не потолстеешь.

– А если и наберешь вес – то скинуть его за два дня реально.

– Ох, Натусик, вот что я тебе скажу. – Лера едва заметно качнулась, и я поняла, что она явно не останавливала официанта, услужливо подливающего в бокал вино. – Все мужики – сволочи! Пошли они в задницу!

– Ага, идиоты! Еще чего – в еде себе отказывать. Было бы ради кого!

«Натусик»! Обалдеть! Мои коллеги бы со смеху лопнули, услышав такое нежное обращение. «Змея подколодная», «стихийное бедствие», «язва» – вот такие характеристики я слышу намного чаще. Еще иногда меня называют вымогательницей – сразу после зарплаты я обязательно навещаю ко всем нашим экспертам, живописую проблемы бездомных собак и предлагаю помочь приюту для животных «Друг». Народ у нас понимающий: тысяч десять-двенадцать в месяц в общей сложности на нужды приюта при помощи моих коллег набегает. Хотя кое-кто, особо жадненький, и считает меня сумасшедшей! Впрочем, мнение окружающих мне почти не важно. Главное – чтобы моя совесть была чиста, чтобы ни о чем не жалеть и знать, что все, от тебя зависящее, сделано по-честному, с душой, на максимальных оборотах. А сплетни, антипатия... Подумаешь! Было бы из-за чего переживать! Это только сто баксов всем нравятся.

Меня опять затерзало любопытство. Что же у них за работа такая?

Кстати, может, неспроста наш сын решительно прервал медицинскую династию и стал журналистом? Окончив мединститут («для вас, дорогие родители, чтобы не загрызли»), он

устроился на работу в газету («жизнь одна, и прожить ее надо без мучительной боли – неужели вы будете спорить?»). Карьера его развивалась стремительно – пришел простым репортером, через год уже раздавал визитки «обозреватель отдела политики», теперь трудится замом главного редактора газеты. Что-то такое Женьке передалось от меня – непоседливость, любознательность. Может, если бы я не резала трупы, то с удовольствием бы писала статьи?

Почему же все-таки эти девчонки не боятся поправиться? Они вряд ли занимаются спортом и тем более не могут быть инструкторами по фитнесу. Лера и Света стройненькие, однако не мускулистые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.